

Вадим Барташ

18+

Легионы идут на Восток

Часть первая

Орлы над Евфратом

18+

Вадим Барташ

**Роман Легионы идут на
Восток. Первая часть
"Орлы над Ефратом"**

«Автор»

2026

Барташ В.

Роман Легионы идут на Восток. Первая часть "Орлы над Ефратом"
/ В. Барташ — «Автор», 2026

Вот и настало время, читатель, для нашей новой встречи. Хочется при этом тебе сообщить, что рассказ мой о Траяне и его эпохе, которая была насыщена множеством событий, и в том числе весьма драматическими, по окончании романа-трилогии «Дакия в огне» не заканчивается, и продолжится уже в следующей книге. Книга эта будет тоже состоять из трёх частей. Ну а назвать её я решил «Легионы идут на Восток». И название это не случайное, потому что оно отражает всю суть второго периода правления Марка Ульпия Нервы Траяна. А я напому тебе, читатель, что древние авторы называли его «наилучшим правителем за всю историю Римской империи». И по всей видимости, в этом высказывании они были не слишком уж далеки от истины.

© Барташ В., 2026

© Автор, 2026

Вадим Барташ

Роман Легионы идут на Восток.

Первая часть "Орлы над Ефратом"

ВАДИМ БАРТАШ

ЛЕГИОНЫ ИДУТ НА ВОСТОК
Исторический роман

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вот и настало время, читатель, для нашей новой встречи.

Хочется при этом тебе сообщить, что рассказ мой о Траяне и его эпохе, которая была насыщена множеством событий, и в том числе весьма драматическими, по окончании романа-трилогии «Дакия в огне» не заканчивается, и продолжится уже в следующей книге...

Книга эта будет тоже состоять из трёх частей.

Ну а назвать её я решил «Легионы идут на Восток».

И название это не случайное, потому что оно отражает всю суть второго периода правления Марка Ульпия Нервы Траяна. А я напому тебе, читатель, что древние авторы называли его «наилучшим правителем за всю историю Римской империи».

И по всей видимости, в этом высказывании они были не слишком уж далеки от истины.

К исходу лета 106 года новой эры, после нескольких кровопролитных войн, царство даков пало, и Траян отпраздновал победу на развалинах Сармизегетусы. В столице империи с невиданной пышностью по этому поводу отметили триумф.

И Траян мог себе его, конечно же, позволить! Ведь в Дакии им были захвачены несметные богатства: 7,5 тысяч талантов золота и вдвое больше серебра. А помимо этого, на невольничьи рынки империи было отправлено 500 тысяч даков, обращённых в рабов. В Рим победители пригнали в цепях 10 тысяч пленных дакийских воинов, и те четыре месяца беспрестанно развлекали квиритов на арене цирка Флавиев в гладиаторских поединках.

Но и этого Траяну показалось недостаточно, и он распорядился украсить столицу империи новым Форумом, который по красоте и роскоши должен был превзойти всё, что ранее было возведено в Вечном городе. А главным украшением нового Форума стала колонна Траяна, которая сохранилась до наших дней, и на которой отображаются многочисленные сцены из противостояния римлян с даками.

Возводился Форум, как и обычно, под руководством друга принцепса, талантливого архитектора Аполлодора, и закончили его только к 112 году новой эры, ну а колонну установили ещё позже, примерно год спустя.

Однако, по возвращению Траяна в Рим и во время затянувшегося его триумфа в связи с победой над северными варварами, этот правитель начал обдумывать и ещё один поход. И он касался на этот раз уже Парфянской державы, и даже шире – в планах у Траяна было покорение не только Парфии, но затем и остального Востока.

Именно того Востока, который был для Запада по-прежнему таинственным. И для тех, кто находился в Европе всегда таким притягательным!

Ведь Траян вознамерился – ни много, ни мало, – а повторить подвиг Александра! И даже превзойти во многом его! По некоторым его высказываниям следовало, что он собирался не только захватить Парфию и дойти до границ Индии, но ещё покорить и весь огромный Индийский субконтинент!

Ве-е-есь!

И ещё...

Необходимо подчеркнуть, что после Дакийского триумфа амбиции у Траяна выросли безмерно. И повелителю всего Западного мира уже казалось, что и это ему теперь по плечу.

И так...

107 - 113 годы новой эры.

Парфянское царство.

Центральная Месопотамия.

Столица Великой Парфянской державы город Ктесифон.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ОРЛЫ НАД ЕВФРАТОМ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Два самых больших города Парфянской державы располагались в пределах видимости, так как расстояние между ними не превышало и десятой доли парсанга. И это были Селевкия-на-Тигре и Ктесифон.

Первый являлся ещё столицей Селевкидов, ну а когда им на смену из глубинной Азии пришли парфяне, то они через какое-то время выбрали древний Опис, который основали ещё вавилоняне и который находился на противоположном берегу Тигра. Но пришлые кочевники его переименовали. И именно этот город, при новых хозяевах уже называвшийся Ктесифоном, окончательно стал их столицей.

Над всем Ктесифоном довлела рукотворная громада. Это был дворец парфянских царей.

Он назывался Зимним (ну а Летним по-прежнему считалась резиденция в Нисе, находившейся на самой окраине державы парфян, и её Шахин шахи посещали всё реже). Возвели дворец в Ктесифоне примерно век с небольшим тому назад. И выстроили его Аршакиды по примеру древневавилонских (а точнее будет сказать, ассирийских).

В нём было всё.

И роскошные интерьеры, и мозаичные мраморные полы, и десятки больших и поменьше скульптур, в основном выполненных в греческой реалистической манере. А ещё разбит был вокруг него и обширный парк, который украшали не только пальмы и благоухающие цветники, но в нём находились и бассейны.

И этот необыкновенно ухоженный и очень красивый парк плавно спускался к Тигру.

На царский дворец в Ктесифоне пошло несметное количество обожжённого кирпича, полудрагоценного камня и той же глазурованной плитки. Дворец этот выстроили в трёх, а где и в четырёх уровнях, и он считался самым большим в Ойкумене!

Он даже превосходил дворцы Рима и столицы набравших в последнее время могущество кушан (тех самых, которые тоже пришли из глубин Азии и ныне властвовали над большей частью Индии).

И каждое утро, почти в одно и то же время, медные трубы начинали пронзительно реветь и вспугивать стаи птиц, которые облюбовали площадь перед этим дворцом.

Так придворные трубачи оповещали горожан, что нынешний повелитель Парфии пробудился.

Тогдашнему правителю Парфии, Царю царей (по-персидски это звучало, как Шахин шах) Хосрою I Орозу, исполнилось сорок шесть лет. И хотя он сменил на троне в Ктесифоне своего старшего брата в общем-то недавно (Пакор II, из-за ухудшившегося здоровья, добровольно отказался от верховной власти), но до этого Хосрой ещё при отце своём, Вологезе I, был постав-

лен наместником в Мидии, и потому он был искушён во всём, что касалось искусства правления.

А ещё нового Шахин шаха всегда занимали дела не только внутри обширной Парфянской державы, но и всё что касалось Армении и находившейся к Западу от неё Великой Римской империи.

И вот, ему сообщили, что из Армении прибыл в Ктесифон доверенный человек от Санатрука, тогдашнего армянского правителя.

Поэтому, я немного расскажу и об этом армянском царе...

К тому же, следует сказать, что во многом всё и началось-то из-за него.

Санатрук являлся сыном Трдата I, и относился к армянской ветви Аршакидов, и нынешний Шахин шах его в общем-то поддерживал. А делал он это не только из-за родственных уз, но и с дальним прицелом: чтобы укрепить парфянский форпост на границе с враждебным Западом. Ведь именно Армения – по замыслу Хосроя - и должна была стать таким форпостом. И, в случае чего, обязана была первой принять на себя удар могучего соперника.

- Важные новости у этого человека... - произнёс величаво-напыщенный Бахман, занимавший должность распорядителя двора ещё при предшественнике Хосроя.

Шахин шах покосился на него и тут же велел пропустить посланца.

Огромные бронзовые двери, украшенные фантастическими драконами и прочими невиданными животными, и которые как говорят служили ещё вавилонскому правителю Навуходоносор, вскоре раскрылись и в Ападане (то есть, в зале Приёмов) появился бородач, которому на вид было всего-то лет двадцать три – двадцать пять. Так как многие знатные армяне в то время породнились с парфянами, то у них вошло в моду всё парфянское, в том числе это касалось и причёсок, и покроя одежды, и украшений, и поэтому прибывший из Армении посланец был хотя и достаточно молод, но на восточный манер уже зарос бородой и одет был по последней моде, распространившейся в последнее время в Ктесифоне.

Он казался скорее не армянином, а каким-то парном, причём парном знатным. А ещё на мочке правого уха у него красовалась серьга. Такие любили носить воинственные кочевники, к которым, конечно же, относились по-прежнему и парны.

Армянский посланец тут же рухнул перед Шахин шахом на колени и стал ждать, когда же ему разрешат поднять голову.

Хосрой I совсем тихо произнёс:

- Поднимись...

Молодой бородач подчинился и поднялся.

Между Шахин шахом и посланцем в зале Приёмов размещалась прозрачная занавесь. Так заведено было ещё с правления Ахеменидов. Она, впрочем, ничего не скрывала, а только не позволяла осквернять кем-либо из посетителей воздух, которым дышал Шахин шах.

Шахин шах внимательно всмотрелся в посланца.

Хосрою I он показался знакомым.

«Да-а-а, он этого человека уже видел. Точно, они с ним встречались! И, ка-а-ажется... уже встречались не раз! Но где? Когда? Кто же это?!» Шахин шах как не старался, но так и не мог этого вспомнить, хотя память у него на лица была неплохой. И то, что он ничего не мог вспомнить про этого незнакомца, его начинало раздражать.

Хосрой I, наконец-то, нарушил своё молчание и спросил у посланца:

- Как тебя зовут?

- Меня зовут Акшадаром, - почтительно ответил посланец.

- А-а... А-акша... А-акшадаром?! У тебя имя похоже не армянское...

- Так и есть.

- А кто ты?

- Я – из племени парнов!

- Во-о-от как?! Да, я так и думал.

- И я тоже из рода Аршакидов. Мой отец – Пакор II.

- О-о-о, Пакор?!

- Однако уже несколько лет я нахожусь при дворе правителя Армении. И я послан к тебе сейчас, о Великий Шахин шах, со срочным донесением.

«А-а-ах, вот оно что?! По-о... по-олучается... что этот самый Акшадар был тоже представителем старшей ветви рода Аршакидов, и он выходит родственник Хосрою! Только матерью его, по всей видимости, была не законная жена прежнего Шахин шаха, а всего лишь одна из его наложниц... У парфянских царей было всегда достаточно наложниц. А у некоторых из них их число доходило и до нескольких сотен. Как у того же Пакора II. Который славился своей необыкновенной и для Аршакидов любвеобильностью, и у которого каждый год рождались дети.»

- Ты же уже не в первой в Ктесифоне? – переспросил повелитель Парфии армянского посланца.

- Да, не в первой! Моё детство прошло именно здесь... при парфянском дворе.

- Наверное, только прошло оно в основном на женской половине?

- И в гареме. Но, когда я повзрослел и достиг совершеннолетия, то вскоре был отправлен вначале в Мидию, потом в Осроену, ну а затем и в Армению. Ко двору армянского царя. И я уже третий год служу там при дворе. Я даже стал нахараром (так в Армении назывались князья).

- Ну а когда ты был в последний раз в Ктесифоне?

- Я сопровождал царя Санатрука в его посольстве, когда тот посещал Парфию в прошлом году.

- Мда-а-а, теперь я тебя, кажется, припоминаю. Ты действительно, выходит, не армянин, а наш, то есть – истинный Аршакид...

- Так и есть, о Великий Шахин шах! Мой же отец - не кто-нибудь, а сам бывший Шахин шах! Но моя мать – не законная его супруга, а одна из его наложниц. Она – массагетка. Однако я всё равно – Аршакид!

- Да! Те же черты лица... А ведь ты очень похож на своего отца и моего старшего брата... И да-а-аже... и даже голос у тебя похожий... Вы-ы... вы-ыходит – ты мой племянник! - произнёс повелитель Парфии.

Посланец в знак согласия склонил голову.

Он сейчас себя безупречно вёл, и это тоже не могло не импонировать Шахин шаху. Он всё больше и больше уже нравился Хосрою этот посланец армянского царя.

- Как дела в Армении? – переспросил посланца Хосрой.

- В общем-то в Армении всё вроде бы спокойно... - ответил незаконнорожденный сын Пакора II. - Однако, у меня есть и плохие новости для тебя, Шахин шах...

- Что же случилось?! Я внимательно тебя слушаю.

- Но эти новости касаются уже не Армении...

Хосрой I сделал знак, чтобы посланец Санатрука продолжал.

- Я хочу сообщить тебе про империю на Западе... Наши купцы, только что вернувшиеся оттуда, сообщили, что владыка Рима недавно отпраздновал победу в своей столице и там был проведён необыкновенно пышный и многодневный триумф, так как ему удалось уничтожить Дакию, - произнёс Акшадар.

- Что-о-о?! О-о, о Ахурамазда Великий! Я не ослышался? Повтори!

- Увы, но ты не ослышался, о Великий Шахин шах.

- О-о-он... он что же... Это самое чёрное и самое гнусное порождение Ахримана, этот жестокосердный, коварный и бесчестный римский правитель Траян... О-он сумел повергнуть во прах Дакию?!

- Получается, что так... Траян её уничтожил. И уничтожил уже всю.

- И это при том, что у Децебала было столько союзников?! Децебал же был не один в этой войне, а ему помогали?.. Ведь вокруг себя он давно спланировал соседние народы и у него были заключены соглашения со многими из них, которые обитают к северу от Дакии! Насколько я знаю, ему пообещали помощь и карпы, являющиеся ближайшими союзниками даков, и бастарны... И те же склавины... И обитающие где-то на самом краю известного мира и возводящие поселения среди непроходимых болот таинственные анты... Они же вышли из своих дебрей и болот? И пришли ему на помощь? Не оставили же его один на один с Римом?

- Их перешло через Дакийские горы в Дакию множество... Больше тридцати пяти тысяч!

- То есть все, кто ему помощь обещал?

- О, да! Все! Все без исключения пришли, о великий Шахин шах!

- И однако римляне сумели разгромить Децебала и объединённые силы этих северных племён?! Вы... вы-ыхо-о-одит... у Траяна в этой войне всё получилось, как он и задумывал?

- О, да, Шахин шах! Выходит, что так.

Тень опустилась на лицо Хосроя I. Ну а посланец от армянского правителя продолжил:

- Более того, я ещё хочу сказать... что голову царя Дакии, отважного Децебала, в качестве трофея Траян доставил в Рим и уже та-а-ам... По заведённой традиции римский палач сбросил эту отрезанную голову по ступеням Гемонианской лестницы. И торжествующий Траян, к своему прежнему победному титулу Германский ещё добавил и новый... Теперь у него официальный титул ещё и Дакийский.

Пальцы Хосроя I со всей силы сжали подлокотники трона.

Шахин шах не сдержался и у него вырвалось из груди с хрипом:

- О-о-о! О, Ахурамазда... О Всемогущий и Всевидающий! Почему же ты позволил торжествовать злу, э-э-тому... этому порождению Ахримана?! Ну по-о-очему? Что же это? А я... А я-то ведь ждал от Децебала послов... Жда-ал их не один месяц! И мы должны были с ним выступить... даже совместно! Но получается, что Рим нас перехитрил и... и опередил. И ему всё-таки удалось разрушить все наши с Децебалом планы. Э-э-э-эх...

Эта новость действительно была не из приятных для Шахин шаха. Она его до крайности встревожила и можно сказать, что до глубины души потрясла.

Хосрой I всё-таки надеялся, что Траян надолго увязнет в Дакии, однако его надежды не оправдались.

Траян сумел переиграть Децебала и сокрушил Дакию, и, следовательно, теперь он расчистил себе путь уже и на Восток.

Хосрой I ещё долго расспрашивал армянского посланца и, наконец, приказав ему задержаться ещё в Ктесифоне, решил затем его отпустить.

Невесёлые мысли посетили Шахин шаха после этой затянувшейся на целых полдня аудиенции.

Понятно, что долго Траян-триумфатор не будет почивать на лаврах и сидеть сложа руки на месте. Наверняка он уже обдумывает свой новый поход. И не сложно предположить, куда же направятся его многочисленные и закалённые в битвах с теми же даками легионы...

Маршрут у них теперь только один.

И, разумеется, он пролегать будет в Восточном направлении.

Легионы правителя Запада двинутся туда, где можно добыть и громкую славу, и как можно больше богатств!

Ну а это значит...

А это значит, что Траян и его легионы направятся в Армению, а затем черёд дойдёт уже и до Парфии.

И в этом Шахин шах уже несколько не сомневался.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кажется, в Риме (и не при Империи, а при Республике, причём ещё Ранней, а может и раньше, при этрусских царях) сложилась поговорка, которая гласила: «Победителя никогда не судят, а преклоняют перед ним головы и наделяют его не только лавровыми венками, но и триумфом». И именно из этого посыла и исходил Траян, когда начинал уже свою Вторую войну с Дакией, и он оказался прав!

Сенат по началу совсем не настроен был начинать эту войну. Многие среди его влиятельных членов были категорически против развязывания её, и об этом не боялись заявлять принцепсу в открытую, но Траян по сути и Сенату, и дакам сумел её всё-таки навязать.

Именно по своей инициативе он её развязал.

И добился в итоге всего, чего намечал.

Результаты этой кампании оказались впечатляющими...

Дакия перестала существовать, и все её немалые сокровища переместились в Рим.

Известие о победе римского оружия над варварами сенаторы в Вечном городе встретили стоя и продолжительными аплодисментами. Почти час не смолкали их восторженные крики и бурные овации! Без всякого преувеличения весь Рим ликовал!

Впрочем, сам триумфатор и победитель Децебала задержался в только что завоёванной стране и не спешил в Рим. Дел в Дакии у него имелось ещё предостаточно.

Траян энергично принялся обустривать эту только что завоёванную страну.

А ведь Дакия вторгшимися римлянами была донельзя разорена, и потому приходилось прикладывать значительные усилия, чтобы хоть как-то восстановить её.

В новой столице Дакии, в Ульпии Траяне, был в самом начале 107 года новой эры достроен, наконец-то, дворец наместника, и он был каменным и довольно-таки внушительным, и вот в нём-то император и принял сенатора и военачальника Децима Теренция Скауриана.

Скауриан был у Траяна на хорошем счету. Принцепс его причислял к толковым администраторам и неплохим воякам. Скауриан прошёл достойно все ступени воинской карьеры, начиная с самой низшей (а начинал он с простого декана).

Выходец из плебейского рода из провинциального Немауса (этот город располагался в Южной Галлии), он начал выстраивать карьеру ещё при втором из Флавиев, то есть при Тите. Затем успел побывать и консулом, причём дважды: в 102 и 104 годах новой эры, и поучаствовал в войнах, которые развязаны были Домицианом, и принял участие, в том числе, уже и во Второй войне Траяна с даками.

В последней кампании он участвовал уже в качестве командующего легиона и больше всего отличился при взятии Сармизегетусы.

Так вот, Траян это для себя отметил и потому его только что назначил наместником Римской Дакии.

Стоял ясный день. Наступил уже полдень и солнце находилось в зените.

Несколько непоседливых и игривых солнечных зайчиков проскользнули мимо белоснежных колонн и теперь перемещались хаотично по идеально ровной стене, и ослепляли Скауриана, но тот не мог прикрыть от них глаза, а только как обычный легионер стоял на вытяжку, беспомощно щурился и иногда лишь начинал учащённо и беспомощно моргать.

Траян этого не замечал, так как наморщив лоб весь сейчас погрузился в свои мысли и сосредоточился на развёрнутой перед ним карте. Особенно долго и внимательно он изучал Северную границу новой провинции и сопредельные с ней земли, где обитали малоизвестные племена, являвшиеся союзниками даков.

Тут же поблизости с ним, как всегда, находился и его родственник, муж внучатой племянницы Траяна, которую звали Вибией Сабиной.

За время Дакийского похода (и особенно после трагической гибели красавчика Лонгина) троюродный племянник Адриан ещё больше сблизился с императором и теперь неотлучно находился при нём. Он старался быть не то, что полезным, а незаменимым, и всё потому, что нацелился на то, чтобы именно его принцепс выбрал в приемники.

Наконец-то, Траян поднял голову и обратился вначале к ординарцу, то есть к своему родственнику:

- Э-э-э, А-а-а... Адриа-а-ан...

- О, да-а, Божественный! Я весь в внимании и тебя слушаю...

- А-а-а... А скажи-ка мне... Хм-м-м... А-ах, а-ах да-а-а... А что-то я сегодня не видел супругу за завтраком. И уже который день не вижу её? Это как-то непривычно. Что случилось? Она не приболела? Или же её нет сейчас в Ульпии? Если нет, то, где же она тогда?

- Так ведь твоя супруга, Божественный, вместе с Марцианной (это была старшая сестра принцепса) покинули Ульпию...

- Что-о-о?! По-о-окинули?! Когда?!

- Уже как несколько недель назад...

- А в чём причина?

- Да ничего серьёзного. Просто им, Божественный, понравилась Дакия, как страна. Они мне в этом признавались. И по-о-оэтому... они пожелали получше узнать её, и, договорившись, отправились вдвоём на Север... Они захотели поближе познакомиться с ней.

- ... А-а-ах, ну, ну, да-а... Я же совсем об этом позабыл! И всё из-за того, что дел у меня очень много и они никак не заканчиваются...

- Я тебя понимаю, Божественный!

- Ну а супруга и сестра из-за моего невнимания к ним, наверное, в Ульпии совсем закисло...

- Ты прав, Божественный...

- Тем более вся Ульпия до сих пор в строительных лесах и много в ней чего ещё не достроено. И им не чем в Ульпии заняться. Нет в ней пока ни театра, ни цирка.

- Именно так! Я думаю, им делать было нечего и от того-то стало совсем уж скучно. И они из-за этого и надумали совершить это путешествие и получше познакомиться с только что завоёванной страной... Они собирались, кажется, посетить несколько мест...

- Каких?

- Вначале Апул...

- А затем?

- А затем и Поролис... И некоторые другие города в Центре и на Севере Дакии... - пояснил Адриан.

- Ну а это путешествие для них не является опасным?

- Не думаю! У них же надёжная охрана, Божественный! Я лично проследил за этим! Им выделили целых три когорты из V Македонского легиона и четыре конных вексии в придачу... А это три тысячи легионеров и почти семьсот конников... Ну и их охрану возглавляет опытный трибун... Гай Публий Эмилиан.

- Ну его-то я знаю! Ну-у, ну это правильно. Всё верно ты сделал, Адриан.

- И по-о-отом... по моим расчётам они вот-вот должны вернуться в Ульпию... - продолжил докладывать троюродный племянник принцепса.

- Ну а для них здесь, в Ульпии, достойные апартаменты во дворце наместника уже готовили?

- Не сомневайся, Божественный!

- И где же они?

- Я посчитал, что лучше всего, если они будут как раз над твоими, Божественный. Но я ещё их должен перепроверить.

- Да, разумеется, возьми это на себя... и сделай... ну то есть проверь их! А то мне некогда и этим ещё заниматься. Ну сам понимаешь, мне не досуг.

И после того, как Публий Элий Адриан вышел, Траян переключился уже на ждавшего, когда же на него обратят внимание Скауриана.

Траян обернулся к нему, и наместник ещё больше вытянулся. Он распрямил спину и, выпучив глаза, преданно уставился на принцепса.

Марк Ульпий Нерва Траян заметил:

- Из Дакии начался вывод наших легионов...

- Уже выведено пять из них, - поспешил уточнить Скауриан. – И столько же ещё будут выведены до конца осени, Божественный. Как ты и распорядился. Твой приказ неукоснительно выполняется.

- Наверное, мы и больше их выведем, Скауриан!

- Из-за Германии?

- Из-за неё! Впрочем, обстановка и в других частях империи этого же требует... Та-а-ак, меня беспокоят возникшие волнения не только в Германии, но и начинающиеся брожения на Севере Британии, подпитываемые постоянными набегам диких горцев пиктов, а ещё и на Востоке, где непонятно, что происходит у набатеев в их пустынной Аравии. Там правитель их уже совсем плох, и по этой причине против набатеев явно что-то замышляют кочевые арабы и... и стоящие за их спиной парфяне. Нынешний Царь царей... не чета Пакору, он не старый и не больной, и он не настроен по отношению к нам миролюбиво. А расскажи-ка, где сейчас обустриваются легионы, которые остаются в Дакии? – требовательным тоном задал вопрос новому наместнику принцепс.

По-прежнему немного нервничавший Скауриан прочистил горло, откашлявшись в кулак, и после этого продолжил пояснения:

- По твоему распоряжению, Божественный, в новой провинции на постоянной основе будут размещены пока что семь легионов... Это V Македонский, VII Клавдиев... XIII Сдвоенный... А так же... а та-ак же ещё и VI Же-е-еле...

- Я это знаю! – бесцеремонно оборвал Скауриана принцепс. - Не повторяй того, что мне и так известно, проконсул! Назови-ка лучше те места, которые ты выбрал для размещения этих легионов. А ещё лучше, покажи мне эти места на карте.

Скауриан приблизился к принцепсу, почтительно склонился над развёрнутой картой и стал пальцем указывать:

- V Македонский в полном составе будет размещаться в столице новой провинции, в Ульпии Траяне...

- Вполне разумно...

- Ты сам об этом распорядился, Божественный.

- Да. Легион этот один из лучших! Я его знаю, и ему можно полностью доверить столицу новой провинции...

- ... и в её окрестностях.

- Да-да. Продолжай, Скауриан!

- Здесь мы для этого легиона уже возвели четыре каструма и один внутри столицы Дакии. А ещё некоторые подразделения VI Железного мы разместим в Апуле и-и... и в трёх каструмах, которые возведены поблизости от этого города...

После того, как Скауриан во всех подробностях объяснил принцепсу, где и каким образом обустриваются все семь римских легионов, которые отныне будут размещаться в только что завоёванной стране, а также и отдельные номерные когорты и конные вексиллии, Траян спросил о том, как возводятся дороги, и другие инженерные сооружения, включая каналы

и три совершенно новых акведука, так как эти инженерные сооружения должны будут снабжать питьевой водой Ульпию Траяну и два других важнейших города, и как организовывается охрана границ этой только что образованной провинции. Которая, кстати, очень далеко вклинивалась в варварские территории, и была окружена ими, по существу, с трёх сторон.

Далее в разговоре были затронуты и другие, не менее важные темы. При этом принцепс, как бы продолжая размышлять вслух, произнёс:

- Как ты знаешь, Скауриан, Дакия всегда славилась своими ресурсами...

- Это верно, Божественный!

- ... и особенно добычей золота. А также серебра и железных руд. Здесь, помимо всего прочего, много добывали и так нужной всем соли, которая ценна не меньше золота. Так что добычу всего этого следует не просто возобновить, а обязательно надо нарастить. И с этим тоже нельзя затягивать. Понятно, что для этого необходимы люди.

Скауриан послушно поддакнул, ну а Траян продолжил:

- И они будут! Ещё год назад в Дакии проживало втрое больше народу, но сейчас эта страна совершенно обезлюдела, и по-о... по-о-оэтому... Её придётся по-новому заселять... - заметил принцепс.

- Ты как всегда прав, Божественный! – вновь послушно откликнулся только что назначенный наместник.

- Так что по этому поводу ты предлагаешь, Скауриан?

- Что я предлагаю?

- Да, что ты предлагаешь, проконсул?!

- Тогда придётся сюда направлять переселенцев, - ответил лишь только на днях утверждённый наместник Римской Дакии. – Другого выхода я не вижу, Божественный. И направлять их необходимо прежде всего из наших ближайших провинций.

- И я точно так же думаю! – согласился со Скаурианом принцепс, и тут же уточнился: - Но-о... Я вот что считаю, Скауриан... Переселенцев надо набирать всё же не из Паннонии... Ну и не из других только что присоединённых к нам провинций. А-а... а из старых... То есть, их следует направлять из Балканских провинций, но только из тех, которые уже давным-давно вошли в состав империи, а также... и из Азии, и из Южной Галлии, и да-а-аже... и даже из Италии. Необходимо Дакию по-новому заселить! И следует понять, что чем больше в Дакии появится переселенцев, которые лояльны к империи, и преданы ей и телом, и душой, то только тогда эта страна будет, наконец-то, надёжно привязана к Риму!

И новоиспечённый наместник принял эти слова к сведению.

К многочисленным достоинствам супруги принцепса - даже и в таком уже далеко не юном возрасте, в каком она к описываемому времени пребывала, - ей присуще было и ещё одно, достаточно редкое, а именно - любознательность, и потому у неё это чувство разгорелось не на шутку, когда она вслед за мужем попала в Дакию. И также, как и у его старшей сестры, Марцианны, оно было настолько сильным, что они вместе с ней целых полтора месяца объезжали всю Дакию и познакомились с разными её достопримечательностями и живописными уголками.

И вот сейчас супруга принцепса, по возвращению в Ульпию, делилась впечатлениями от своего путешествия.

Хочется тут вот ещё на что, читатель, обратить твоё внимание...

В Риме не мало удивлялись тому, как с виду такая простая и миниатюрная женщина, какой была Плотина, совсем вроде бы и не бойкая, и не волевая, но во всю умудрялась командовать таким мужем, каким был Траян. А ведь надо было знать нынешнего императора! Это был не Нерон, и не Домициан. И даже не эстет и заядлый книголюб Клавдий. А это был суровый вояка. Правитель-воин! И, к тому же, очень жёсткий человек. Однако он при этом редко своей супруге в чём-либо перечил.

Древние авторы утверждали, что в их взаимоотношениях царила полная гармония.

Траян сейчас отложил все свои дела и внимательно слушал вернувшуюся в Ульпию Траяну любимую супругу.

Плотина призналась, что у неё сложилось двойственное впечатление от того, что она увидела в только что покорённой стране.

Супруга Траяна заявила, что Дакия, конечно же, очень красивая! Что в ней есть всё для счастливой жизни! Тут и мягкий и вполне благоприятный климат, и плодородная земля, омываемая многочисленными реками с чистейшей водой, и оттого позволяющая выращивать всевозможные злаки и фруктовые плоды, и различные ископаемые, и особенно много в ней добывается золота, причём здесь его добывают больше, чем где-либо ещё в Ойкумене, но эта страна за последние год с небольшим сильно разрушена... Многие города её лежат уже в руинах, ну а те, которые не были разрушены, то совсем обезлюдил. И ещё хуже обстояли дела с её глубиной!

Завершая озвучивать свои впечатления, Плотина убеждённо заявила:

- Дорогой, но более всего мне тяжело было смотреть на то, что повсюду очень много трупов. Они попадаются везде на глаза... И хуже всего, что они... нигде не убираются. А ведь это чревато ещё и распространением различных болезней. И куда не глянь: везде – руины. Одни руины. Слишком ожесточённой оказалась недавняя война с даками. И я так думаю, что Дакия будет восстанавливаться, наверное, ещё не одно десятилетие. Ле-е-ет... лет тридцать на это уйдёт. Если не больше! А жа-а-аль... О-оч-чень жа-аль...

- Уверю тебя, дорогая, - возразил ей венценосный супруг, – что уже через пять или от силы через семь лет ты эту страну не узнаешь.

Плотина с недоверием посмотрела на мужа, а принцепс самодовольно заулыбался и, вдаваясь в некоторые особо важные на его взгляд подробности, начал делиться своими планами на счёт этой только что завоёванной страны:

- Разумеется, трупы... мы их предадим земле. Обязательно это сделаем. И не затягивая. Даже так скажу тебе: я уже распорядился, и мы это сделаем до конца следующего месяца. Но не это главное...

- А что же тогда главное?

- А главное то, что скоро Дакия будет совсем другой!

- Неужели?!

- Вот поверь! Здесь появятся не только римские виллы, со скульптурами в аккуратно разбитых парках, с колоннадами в портиках, и даже с бассейнами, но и заложены будут новые города. Да-да-да! И не один, и не два города, а несколько их десятков будет нами заложено! Я нисколько не преувеличиваю! Эти города будут выстроены тоже по римскому образцу, и станут намного лучше разрушенных дакийских! В них появятся и свои Форумы, и общественные места с уличными скульптурами, и фонтаны, и бани-термы, и даже гимнасии, где можно будет и отдыхать, и всем мужчинам и юношам при желании развиваться физически, и даже проводить соревнования. Да что далеко ходить?! Посмотри на Ульпию Траяну уже сейчас? Это же совершенно уже римский город! Его ведь правильно спланировали! Кстати, по моей просьбе, этим занимался мой друг... сирийский грек Апполодор. А ещё... а е-ещ-щё здесь проложены будут дороги, очень удобные, и такие, которые есть и в остальных провинциях, и по большей части они будут прямые и мощённые камнем, а, помимо этого, заколосятся повсюду ухоженные поля... А также будут разбиты и сады... Ну и появятся, конечно же, виноградники, как же без них? И будут они не хуже самых лучших кампанских и калабрийских! И всё это будет! И будет уже скоро!

- Ско-о... ско-оро?!

- Ну, да!

- Но неужели это возможно при таких-то разрушениях и после такой-то тяжёлой и кровопролитной войны?! – выразила удивление Плотина.

- Э-э-э... Это всё будет! Уверю тебя, обязательно будет, дорогая!

- Но-о... но разве это возможно?!

- Хм-м... Вполне!

- Но ка-а-ак?! Для этого же необходимы люди!

- Согласен.

- Тысячи и тысячи людей! И десятки тысяч рук! Мастеровитых и работающих! – воскликнула по-прежнему недоверчивая Плотина. – А сейчас людей здесь нет. От выражения: почти совсем! Можно за день не встретить ни одного! Здесь – прямо какая-та скифская пустыня наступила! Мне даже смотреть на это не по себе!

- Так они здесь и появятся!

- И когда?!

- Уже совсем скоро! – ответил супруге Траян. - Я только что принял по этому поводу решение, и отдал соответствующие распоряжения. К концу текущего года здесь появятся первые переселенцы. Причём их направится сюда сразу много... Много-много тысяч! А вскоре они начнут прибывать не только из соседних Балканских провинций, но и из самых отдалённых уголков империи. Население Дакии через пять лет будет таким же, как оно было и при Децебале. Я задумал эту страну по-новому заселить и полностью её восстановить! Но здесь, в этой присоединённой к империи стране, будут говорить уже не на варварском наречии...

- А на каком же?!

Траян охотно пояснил:

- Язык даков груб и мало кому понятен, и скоро он выйдет из употребления и его навсегда забудут. Я в этом уверен! Он никому здесь уже вскоре будет не нужен. Уверю тебя, что его не будет уже знать здесь никто! А все перейдут в своём общении на латынь. И будут говорить здесь уже исключительно только на ней! Как в Риме... или как в Италии!

- Все будут говорить на латыне?

- Вот именно! На латыне! Потому что это будет уже совершенно другая Дакия... - убеждённо подытожил Траян. – Это будет по-настоящему Дакия Римская! И будет она совершенно лояльна нам!

И Плотина вроде бы поверила словам венценосного мужа.

Так как он был преисполнен уверенности в скором исполнении всех своих планов в отношении этой страны.

Впрочем, пока что всё обстояло в Дакии не так уж и радужно, как это излагал Плотине Траян...

Нападения не покорившихся даков на римские гарнизоны продолжались. И они за последнее время даже ещё и участились. Этим нападениям подвергались теперь не только сторожевые посты и лимитаны, служившие в пограничной страже, но и гарнизоны в крупных городах внутри Дакии, к примеру, в таких, как те же Апул или Поролис.

В Дакии по-прежнему было очень неспокойно.

И Траян настоял на том, чтобы его супруга и старшая сестра покинули только что завоеванную страну, и после некоторого сопротивления они сдались.

Затем, уже отправив своих женщин в солнечную и спокойную Италию, Траян не побоялся каких-либо превратностей и пожелал сам познакомиться с Дакией. И прежде всего он захотел начать своё более близкое знакомство с ней именно с той области, а вернее с той деревни, в окрестностях которой настигли и ликвидировали Децебала.

Сопровождали принцепса при этом четыре когорты из легиона VI Железного и две центурии конных преторианцев.

Вначале Траян и его свита, минуя деревню Ранйисторум, проследовали к той вершине, на которой возглавлявший сопротивление своего народа и окружённый со всех сторон римлянами, царь Дакии всего несколько месяцев назад покончил с собой.

Как бы не было трудно, но Траян поднялся на эту вершину самостоятельно.

Здесь он увидел могилу, которую обустроили даки для своего знаменитого предводителя.

Она была простой и представляла из себя обычный по размерам холмик, увенчивавшийся сакральным деревянным столбом. Это было свойственно всем захоронениям даков. Причём столб был внушительный и превышал три человеческих роста. Он покрыт был какими-то непонятными геометрическими узорами и его повязали ленточками. Этих ленточек было несколько сотен, и они в основном были белого цвета, а ещё больше этих ленточек разложили вокруг могилы. Это означало, что тысячи даков до сих пор приходили к этой могиле, чтобы помянуть своего последнего царя, и что для них он по-прежнему оставался глубоко почитаемым героем.

Да-да! Героем!

Который ничего не боялся и так и не сдался захватчикам!

Кто-то из сопровождавших Траяна военачальников предложил разрушить захоронение последнего царя даков, однако принцепс отказался это сделать.

- Децебал был великим воином, и заслуживает уважение даже у своих врагов! – заявил на это Траян.

Повелитель Рима долго стоял у могилы непримиримого и самого опасного своего врага и размышлял: «Мда-а-а... Сколь же скоротечна оказывается наша жизнь?! И как же часто она неожиданно может у каждого из нас оборваться?! Во-от живёшь-живёшь, строишь какие-то планы, размышляешь о будущем, на что-то надеешься, и ту-у-ут... Всё неожиданно и в одно мгновение может закончиться...»

Траян очнулся от невесёлых размышлений и отошёл от могилы.

Затем он со свитой спустился в деревню с труднопроизносимым названием Ранйисторум.

Эта деревня состояла примерно из четырёх десятков убогих и по периметру по большей части круглых хижин с куполообразными крышами (типичных для горной Дакии) и из четырёх более добротных домов, с обширными подворьями и хозяйственными пристройками. Сейчас она была отцеплена легионерами из стоявшего поблизости от неё VI Железного легиона.

Всех ещё остававшихся в живых жителей этой деревни согнали на её околицу, и они должны были изображать поселян, которые если и не с ликованием, то хотя бы со сдержанной радостью встречают своих освободителей в лице императора и его доблестных вояк.

Но кроме двух-трёх выживших из ума стариков все остальные даки смотрели на Траяна и его преторианцев исподлобья и с нескрываемой ненавистью.

Траян этого не мог не заметить.

И всё-таки он подъехал к толпе даков и остановил своего коня прямо перед ними.

Траян с показной дружелюбностью приветствовал поселян и ожидал, что же они ему ответят на его приветствие.

Он надеялся, что они всё-таки ему преподнесут какие-нибудь дары, соответствующие моменту, и представители от них будут охотно и радостно с ним говорить и что-нибудь у него даже попросят. Ну а он к ним тогда проявит милость, так уж и быть.

И может даже просьбу их выполнит. А что?

Но даки не выказывали никакого восторга.

Они продолжали упорно молчать.

Молчали даже их маленькие и сейчас в конец перепуганные детишки.

- Будь проклят, убийца! – кто-то выкрикнул на ломанной латыне из толпы.

Голос был однозначно женский.

Эту смелую женщину тотчас же поддержали. Раздались ещё несколько гневных возгласов, но уже на языке даков.

- Убийцы!!!

- Будьте прокляты!!!

- Никогда вам не будет прощения!!!

- Пусть ваши кости будут обглоданы бродячими псами!!!

- Пусть земля под вами разверзнется!!!

Все эти пожелания императору тут же перевели.

- Как были варварами, так ими и останетесь! И будете вонючими и презренными дикарями все-е-егда! – произнёс Траян в ответ, и тут же он выругался.

Выругался грубо. И во весь голос.

После этого принцепс развернул коня и направился прочь.

И в этот самый момент...

Откуда-то сбоку просвистела стрела и вонзилась в плечо легату VI Железного легиона Луцию Аврелию Цезону, который тоже был на коне и сейчас сопровождал Траяна. Легат получается прикрыл собой принцепса.

Цезон вскрикнул и схватился за раненное плечо.

Тут же раздались крики и начался всеобщий переполох.

Вскоре стрелок был пойман. Его, со связанными руками и избитого до полусмерти, бросили к ногам Траяна.

Покушавшимся на принцепса даком оказался староста этой деревни, которого звали Диентисом, и который в молодые годы являлся телохранителем царя Децебала.

Траян спросил у старого дака, почему тот стрелял, но Диентис не пожелал на вопрос принцепса отвечать, и лишь только сплюнул ему презрительно под ноги. И тогда Траян велел тут же казнить покушавшегося на него дака.

Того без промедления беспощадно исхлестали плетями и затем, уже всего окровавленного, распяли на спешно сколоченном кресте.

Распяли как какого-то разбойника.

Ну и без всякого суда.

А вслед за этим были казнены и все жители деревни, от мала и до велика, ну и сама деревушка Раннийсторум была сровнена с землёй.

Однако могилу Децебала римляне так и не тронули.

Таково было распоряжение Траяна.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ну а теперь пора, читатель, нам вновь перебраться в Азию, и переключить своё внимание на такую страну, как Армения... И объяснить почему же она оказалась в центре всех последующих событий, связанных с противостоянием Римской империи и Парфянского царства?

И тут следует сказать, что эта страна изначально формировалась в непростых условиях...

Предки армян обитали на Армянском нагорье издавна, но о как таковой Армении до начала VI века до новой эры никто и слыхом не слыхивал, потому что такой страны просто ещё не существовало, а на её месте поначалу находилось несколько небольших царств, таких как Алзи, Исува и других, но затем, уже в XVI веке до новой эры сформировалось крупное царство Хайяса, один из главных противников хеттов, а после его гибели появилось и Урарту. Последнее создали хурритские племена, и оно на протяжении двух веков соперничало с Ассирией за доминирование на всём Ближнем Востоке.

Потом на Армянское нагорье пришли мидийцы, за ними подтянулись родственные им персы. И именно в это время армянам без какого-либо принуждения удалось ассимилировать

все остальные народы нагорья и их язык стал здесь доминирующим. Уже находясь в составе империи Ахеменидов, на территории нагорья была образована сатрапия, которая получила название Армения. После же разгрома Ахеменидской державы Александром Македонским впервые образовалось независимое царство Великая Армения со столицей в Армавире.

Впрочем, спустя век с небольшим, эти земли захватили ненадолго Селевкиды, относившиеся к диадохам, то есть к наследникам неистового македонского воителя, однако в 189 году до новой эры царь Арташес I воссоздал независимое Армянское царство, и построил новую столицу для него, город Арташат.

Спустя век Армянское царство достигло наивысшего могущества, и Тигран II даже принял титул Царя царей, отобрав его у парфянских Аршакидов. Однако расцвет Армянского царства продолжался не долго, и после смерти Тиграна II Парфия вновь стала преобладающей силой на Ближнем Востоке, хотя и Рим уже вскоре здесь заявил о себе.

Причём произошло это сразу и в полный голос.

Вначале римляне подчинили всю Малую Азию, вплоть до западных границ Армянского нагорья, затем овладели осколками Селевкидской державы в Киликии и Сирии, далее они проникли в Левант и начали повсюду хозяйничать уже в Финикии и Иудее, и, в конце концов, очередь наступила и Египта, где окончательно выродилась династия Птолемеев.

Ну а Армения превратилась в буфер между Римом и Парфией, и обе державы не одно десятилетие оспаривали между собой право владеть её землями.

Эта борьба была упорной и продолжалась с переменным успехом не один год, но, наконец-то, в правление уже Нерона, разразился очередной кризис, который вылился в ожесточённую войну между Римом и Парфией. И по завершению её в Рандеи было заключено соглашение, по которому царём Армении становился всё-таки брат Шахин шаха Вологеза I, Трдат I, однако диадему он должен был получить из рук императора.

И отныне провозглашалось, что и все последующие цари Армении, перед тем как взойти на трон, были обязаны получать одобрение в Римской империи. Таково было одно из главных условий Рандейского соглашения.

Это была уступка, сделанная парфянами римлянам, но за то она позволила более-менее прочно утвердиться на троне в Арташате младшей ветви Аршакидов.

И поэтому Трдата I на троне в Армении сменил уже другой Аршакид.

Однако Великая Армения была не единственным армянским царством в начале новой эры в Северной Месопотамии...

В I веке новой эры здесь, к Юго-Западу от Великой Армении, находились и ещё два, по существу, армянских владения: Коммагена и Осроена.

Впрочем, в данном случае пойдёт речь о втором из них.

Так вот, в этом небольшом царстве, в котором тоже уже преобладали армяне, правил Абгар V.

Он стал известен в том числе и тем, что познакомился с неким проповедником, вышедшим из Назарета, с которым завёл переписку, и которого в правление императора Тиберия по наущению недовольных ортодоксальных иудеев схватили, подвергли суду и распяли, а его ученики после этого объявили своего казнённого учителя Сыном Божиим. Теперь учение Назаретянина стало приобретать всё большую популярность и как пожар в степи начало распространяться по многим землям. И едва-ли не самым успешным распространителем этой новой веры оказался ближайший сподвижник Назаретянина, один из двенадцати его апостолов, которого звали Фаддеем.

Этот апостол, ещё при жизни Учителя, покинул родную ему Иудею и направился на Север. Он прошёл Дамаск, Апамею и Алеппо, и дошёл до Эдессы, где о нём и услышал кто-то из царских придворных.

Абгар V проявил интерес к путешествовавшему проповеднику. А затем Фаддей даже познакомился близко с царём и стал ему объяснять во всех подробностях основные постулаты вероучения назаретян. И получается, что Абгар V оказался, пожалуй, единственным из правителей на тот момент, кто подружился с апостолом Сына Божьего и завёл переписку с самим Назаретянином (это, между прочим, подтверждается тем, что несколько писем из их переписки сохранилось до наших дней).

Чем же ещё оказался примечателен Абгар V?

Ну вероятно ещё и тем, что он, кажется, стал самым первым правителем того времени, который отринул многобожие и принял новую монотеистическую веру, хотя об этом Абгар и не сильно-то и распространялся.

И ещё следует заметить, что у этого царя не оказалось наследников, но за то был двоюродный племянник, звавшийся Санатруком. И этому племяннику суждено было вскоре, после смерти Трдата I, занять трон в Великой Армении.

Ну а когда пришёл черёд переселиться в мир иной и Абгару V, то этот самый Санатрук без труда присоединил к своему царству и Осроену, благо что там больше половины населения составляли уже армяне.

Что же можно сказать о Санатруке, которому, по сути, в руки свалилась ещё в качестве подарка и Осроена? Страна, в которой, между прочим, последователи Назаретянина уже преобладали и в открытую поклонялись ему, и где даже появились первые их многочисленные общины.

В данном случае я не стану делиться с вами своими умозаключениями, а сошлюсь на древних писателей...

Ну а они (и не только, кстати, армянские, а и те же римские) отзывались о нём в основном в положительном ключе. По их утверждениям он был справедливым и даже праведным правителем. Но в тоже время, он не поддерживал вероучение Назаретянина, и по настоянию тогдашнего повелителя римлян, последнего из Флавиев, Домициана, а также с молчаливого согласия парфян, начал с последователями этой веры в своём царстве круто обходиться.

Дошло до того, что он не пожалел и бросил в темницу, а затем и казнил свою родную дочь Сандухт, которая присоединилась к назаретянам. А вслед за Сандухт был казнён и апостол Фаддей, успевший обратить царскую дочь в новую веру.

Казнь их состоялась в Шаваршане (это была летняя резиденция армянских царей).

После этой казни супруга Санатрука (у которой тоже было имя Сандухт) оборвала все отношения со второй половиной. И перед тем, как покинуть царский двор, она, обличая мужа, прямо в глаза ему гневно бросила: «Лучше уж быть женой какого-нибудь нищего поселянина, чем такого изверга, как ты! Ведь ты же не справедливый царь, а – тиран! Жестокий и кровожадный! И у тебя теперь на руках кровь собственного дитя, от которой ты никогда не отмоешься!»

Сандухт покинула столицу и уединилась в небольшом поместье, спрятавшемся в безлюдном высокогорье.

Бывшая царица добровольно стала там отшельницей и никого не принимала.

С ней жили только трое старых слуг, которые остались ей верны до конца и которые добровольно последовали за ней в труднодоступное поместье. А между прочим, до этой местности не добирались даже пастухи.

Покинутая царица не виделась с мужем несколько лет, её не баловали своим вниманием и прежние знакомые, ведь от неё все они отвернулись, и можно сказать, что от неё отказался

и двор. И потому эта отшельница пришла в крайнее недоумение, когда старая служанка ей сообщила, что её хочет видеть какой-то незнакомец.

Отшельница уже привыкла к уединению и только каждый день по несколько часов молилась. Сейчас отшельница закончила свою обычную утреннюю молитву и, поднявшись с колен и поправив прикрывавший её голову траурный платок, спросила у служанки:

- Откуда он прибыл?
- Кажется, он прибыл из Парфии, - ответила верная служанка.
- А что ему нужно? – переспросила отшельница.
- Я не знаю, госпожа. Но он очень хотел повидаться с тобой.
- И зачем я понадобилась ему? – вслух подумала Сандухт.
- Он мне ничего не сказал. Так ты его примешь, госпожа? – уточнилась служанка.
- ... Ла-а-адно... Я приму его, - кивнула головой Сандухт. – Пусть пройдёт.

И бывшая царица, а сейчас отшельница, вновь истово перекрестилась и уселась в небольшое и изрядно обшарпанное кресло.

Вскоре незнакомец появился на пороге.

- Кто ты? И что тебе надо от меня? – сухо и неприветливо спросила Сандухт незваного гостя.

Сандухт по-прежнему была в траурном одеянии, которое она не снимала уже на протяжении многих лет. Волосы у неё, когда-то прекрасные и волнистые, а теперь поредевшие и совсем седые, причём ещё и коротко остриженные, были, как всегда, спрятаны под чёрным платком. Сандухт уже совсем не напоминала ту прежнюю, уверенную в себе супругу царя.

- Я прибыл от Шахин шаха Хосроя, - ответил ей парфянин.
- И что же Шахин шаху от меня понадобилось?! – удивилась бывшая царица.
- У меня к тебе, госпожа, будет не простой разговор. Но о-он... он должен остаться ... только между нами... - произнёс незнакомец.

Сандухт ещё больше удивилась этому заявлению.

Ей этот незнакомец показался странным, и даже весьма подозрительным. Она уже хотела оборвать аудиенцию, но незнакомец показал Сандухт печатку с гербом. И действительно, на этой печатке изображались два сокола и между ними сияло солнце. А это и был родовой герб парфянских Шахин шахов! И только после этого у Сандухт напряжение несколько спало, и она поняла, что перед ней действительно был не провокатор, подсланный её бывшим муженьком, а представитель Хосроя I, который сейчас правил в Ктесифоне.

- Что нужно Шахин шаху Хосрою от меня? – повторно переспросила незнакомца Сандухт.

- Ты же по-прежнему испытываешь неприязнь к своему бывшему мужу? – с особым подтекстом спросил у Сандухт незнакомец.

- Ну-у-у... Ну-у, допустим и так... И что с того? – передёрнула сухонькими плечами отшельница.

- А не желаешь-ли ты ему воздать должное? – понизив голос почти до шёпота, спросил он.

- ... А что ты имеешь ввиду?

- Ведь ты же можешь покарать его за смерть своей любимой дочери... На нём же – её кровь! Именно он приговорил её к жестокой казни, совершённой когда-то в Шаваршане! Вспомни всё, что там было... Неужели про это ты позабыла, госпожа?!

Глаза у бывшей царицы на какое-то мгновение вспыхнули, и перед ней тут же возникло видение... То самое, которое никогда не оставит её в покое и которое касалось казни её дитя. Сандухт явственно вновь увидела, как убивали её кровиночку. Всё происходило как будто бы на её глазах и прямо сейчас.

Она увидела и высокий помост, и палача в островерхом колпаке, закрывавшем его лицо, и как после удара топором с глухим стуком покатила голова её дочери по ступеням помоста и остановилась лишь у ног царя Санатрука.

Ну а что же Санатрук?..

А тот убрал ногу, чтобы ненароком не наступить на голову родной дочери, издал какой-то совершенно не человеческий звук, дёрнулся несколько раз, затем всем телом задрожал, побледнел в лице смертельно и даже от страха резко отшатнулся. И Сандухт ещё отчётливо увидела, как длинные и волнистые волосы её дочери разметались по земле. И остекленевший взгляд её прекрасных глаз уставился в небо.

И вот от этого-то виденья Сандухт стало совсем плохо, и она чуть не потеряла сознание.

Голова у бывшей царицы закружилась и Сандухт вскрикнула. Да так, как будто у неё жизнь на какое-то время оборвалась.

Но вот она немного успокоилась, и взгляд у неё тут же потух.

И после долгого предолгого молчания Сандухт всё-таки очень тихим голосом произнесла:

- За... за э-э-это... з-за э-э-это злодейство... За неоправданное убийство собственной дочери... пусть покарает моего бывшего мужа Бог!

Так что же произошло в этом удалённом высокогорном поместье?

Кому-то из вас, читатель, это может показаться странным? Ну а я вам отвечу: не-ет, и ещё раз нет, всё произошедшее там было предсказуемо, и в общем-то логично! Ведь бывшая царица Сандухт уже полностью прониклась верой назаретян.

Ну а те...

А вот те, ну то есть эти самые назаретяне...

Они не признавали само понятие мести и напроочь отвергали какое-либо насилие.

Ну а что же тогда царь Великой Армении?

Грызло ли его раскаяние за совершённое им ужаснейшее злодеяние?

На мой взгляд он должен был по любому раскаиваться.

И действительно, воспоминания об этой казни его ещё долго преследовали. Он по ночам часто не спал и мучился, но с годами эти чувства его всё реже посещали. И он своей преступной выходке находил всё время какие-то оправдания.

Чтобы это преступление окончательно вычеркнуть из памяти.

Так он со временем стал оправдывать себя тем, что к расправе над дочерью его принудили. Что в этом повинны были римляне. И прежде всего к этому склонил его никто иной, как Домициан. Да-да! А это был такое же чудовище, утвердившееся на троне, как и один из предшественников его, Нерон.

Ну а тот между прочем прославился не только в Риме, но и далеко за его пределами. Ведь Нерон совершил очень много злодеяний. Представляете, что этот кровожадный монстр опустил до того, что, заподозрив собственную мать в политических амбициях, убил её, а потом поджёг Рим и развернул беспрецедентные гонения на назаретян по всей империи, обвинив их в том, что это именно они виноваты в поджоге Вечного города.

Тогда в Риме от страшного пожара сгорело из четырнадцати районов не меньше десяти и погибло множество квиристов. И получается, что на руках обезумевшего тирана была кровь не только его собственной матери, но и тысяч невинных людей, включая беспомощных стариков, женщин и даже ещё и малых детей.

И вот такими мыслями Санатрук себя и пытался постоянно успокаивать. Что повинен в казни его дочери был прежде всего не он, а злодей Домициан.

Не менее кровожадный чем до него правивший «матереубийца».

Ну а в Арташате, при армянском царском дворе, жизнь между тем протекала своим чередом. Всё было, как и раньше. Будто бы ничего ужасного и предосудительного в самом дворце и вне его стен никогда и не совершалось.

Принимались послы и наместники различных провинций, исполнялись обязательные жреческие обряды, посвящённые многочисленным языческим богам, проводились праздничные церемонии, которые зачастую выливались в разнузданные оргии, и происходило много ещё чего...

В общем всё это не прекращалось.

И это происходило если и не каждый день, то практически каждую неделю.

Ну а надо сказать, что по меркам того времени Санатрук был уже в достаточно преклонном возрасте (ему ведь перевалило за пятьдесят пять лет), однако пока что он не жаловался особо на здоровье, и даже иногда охотился, но только уже преимущественно в окрестностях Арташата.

Вот и на этот раз он пожелал поохотиться, не удаляясь сильно далеко от столицы, и выехал со свитой в ближайший заповедный лес.

Эта в некоторых местах труднопроходимая чаща раскинулась на правом берегу Аракса и тянулась до самого подножия величественного Арарата, подпиравшего двумя своими вечно заснеженными шапками девственную синеву неба.

Стоял солнечный и необычно ясный день. Небо было совершенно безоблачным.

Кавалькада из нарядно разодетых всадников преодолела по мосту с каменными опорами, возведённому ещё при Селевкидах, бурную и довольно-таки широкую реку, и постепенно стала углубляться в тёмную чащу леса. Свора охотничьих собак радостно лаяла и рвалась с поводков. Загонщики уже погнались к ручью, впадавшему в Аракс, стадо пугливых оленей, и Санатрук возглавил погоню за ними.

- Гони!!! Го-они и-их!!! Го-о-они же!!!

- Во-ох!!! Во-ох!!! – раздавались истошные крики пришедших в азарт охотников.

Не отставали от них и охотничьи собаки.

Они все надрывно лаяли, а некоторые даже ещё и скулили от нетерпения.

Через некоторое время олени оказались в поле зрения охотников, и царь начал первым пускать им вслед стрелы. Он довольно-таки ловко натягивал тетиву лука и упорно пускал одну стрелу за другой. Но лишь только с пятой попытки попал в одного из оленей и, потрясая луком, торжествующе закричал:

- Слава Ахурамазду! Сла-а-ава! Я не промахнулся! Я по-о-опал! Я уби-и-ил! Вы все видели?! Видели же?! Это мой новый трофей!

Впрочем, этот олень был только ранен, и он нашёл в себе силы подняться и побежать дальше.

Тогда Санатрук продолжил погоню за раненым оленем и выпустил ещё три стрелы в сторону его, и лишь только после восьмой тот споткнулся и окончательно упал на землю.

Санатрук попридержал своего коня и, убедившись, что олень уже не встанет, вновь торжествующе прокричал. Скакавшие вслед за Санатруком всадники из его свиты поддержали царя и тоже торжествующе закричали:

- О-о, Ахурамазда Великий, ты всё тоже видел?! Это, наверное, ты водил рукой государя! И-и-именно ты!

- Какой же меткий выстрел?!

- Ты, государь, по-прежнему ловок и удачлив, как и в свои прежние молодые годы!

- И у тебя, как и раньше, зоркий глаз и твёрдая рука! Тебе нет равных и на охоте! Ахурамазда это подтвердит!

- Сла-ава! Сла-а-ава, государю!

- Тебе нет равных, наш повелитель!

Поощряемый многочисленными льстивыми криками с разных сторон, царь подстегнул своего коня и продолжил охоту.

Вскоре он вновь натянул тетиву и приготовился пустить ещё одну стрелу, уже в другого оленя, но вдруг у него голова странным образом дёрнулась и-и...

И Санатрук как-то совсем неестественно захрипел...

Откуда-то сбоку прилетела не понятно чья стрела, которая на вылет пронзила горло царю, и царь Армении в мгновение ока испустил дух.

Так в Арташате, при царском дворе, решили, что на охоте по какому-то случайному недоразумению погиб тогдашний царь Великой Армении. Но, впрочем, в Ктесифоне знали, что это была совсем не случайная стрела...

И что это вовсе не был несчастный случай.

Ну понятно же, что всё на самом деле было подстроено.

И шлейф от этого убийства тянулся за пределы Армении, и вёл непосредственно в Ктесифон.

Так почему же Шахин шах пожелал любой ценой устранить царя Великой Армении Санатрука и, к тому же, тоже принадлежавшего к роду Аршакидов и являвшегося Хосрою I всё-таки родственником?

Чтобы всё это объяснить мне следует немного вернуться назад и рассказать о некоторых моментах, которые и запустили развитие всех последующих событий.

Поистине, роковых.

Причём они оказались роковыми, как для Армении, так и для самой Парфии...

Но для этого вначале перенесёмся вновь в Римскую империю, а точнее на полуостров Малая Азия, и посетим её Северо-Западную часть, где располагалась провинция Вифиния...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Жизнь в Халкедоне, в доме купца и по совместительству римского разведчика Эмилия Павла шла, как и обычно, размеренно и где-то даже по провинциальному неторопливо и скучно...

Эмилий Павел по-прежнему был безнадёжно влюблён в своенравную и гордую роксоланку, которую он выкрал у мужа и привёз из-за моря, но Савлея так и не подпускала его к себе, и отчуждение, возникшее между ними с самого начала их знакомства, сохранялось до сих пор.

Эмилий Павел от этого переживал и, по правде сказать, весь издёргался. Ведь самая желанная для него женщина была рядом, они виделись с ней по нескольку раз на дню, но в то же время она была и по-прежнему для него недоступна. И вот из-за этого он не мог ни о чём другом думать. Однако пока что наладить отношения с Савлеей у него не получалось. Их отношения в лучшем случае можно было бы назвать только дружескими, а Эмилию Павлу этого было совершенно недостаточно. Впрочем, он держал слово, хотя совсем отказаться от женщин не смог, и спустя некоторое время вновь стал заглядываться на молоденьких рабынь в своём доме...

А потом и вовсе не выдержал, и начал их приводить по ночам на своё ложе.

Но об этом он сильно не распространялся, так как не хотел, чтобы о его новых похождениях узнала бы ещё и Савлея.

Впрочем, ей это было как-то всё равно.

А вообще-то римский купец продолжал заваливать Савлею подарками, заваливать, как и прежде, и ничего для непреступной роксоланки он не жалел.

Ну а как же на это реагировала сама роксоланка?

А она к его вниманию и к его подаркам оставалась по-прежнему холодно-равнодушной. Потому что она помнила и любила только своего мужа. И не могла его до сих пор забыть.

Какое-то время, после посещения Никомедии, Савлея увлеклась театром, благо что он был и в Халкедоне, хотя и не такой большой, как в столице провинции, но через несколько месяцев и театр, и книги, и даже прогулки по городу и его окрестностям ей наскучили, и тогда она попросила у Эмилия Павла разрешения совершить длительное путешествие.

- Тебе этого так уж и хочется? – настороженно спросил у роксоланки Эмилий Павел.

- О-о-оч-чень... О-оч-чень-о-оч-чень хочется! – на это ответила ему Савлея. – Пойми, мне в Халкедоне стало совсем уж скучно. Прямо не в могу уже здесь.

- Ну допустим... А куда тогда ты хочешь отправиться? Расскажи?!

- Я хочу отправиться в Грецию!

- В Грецию?

- Ну, да!

- Ну а почему именно в Грецию? – переспросил Павел.

- Я же давно хотела посмотреть эту страну, - ответила ему Савлея. – Я очень много о ней слышала... и ещё больше о ней читала. Я узнала, что это восхитительная страна и что там множество удивительных по красоте памятников, таких, к примеру, как Акрополь... или храмы в Дельфах! А ещё там есть Олимпия. Да в Греции же, наверное, есть всё! В общем, мне хочется её посмотреть. И ты же, между прочем, римлянин, мне обещал её показать! Обещал ведь? Разве я не права? Ты не забыл?

- Ну, да. Обещал... Я помню.

И Эмилий Павел крепя сердцем дал на это своё согласие.

Однако он побоялся красавицу-роксоланку отпускать в такое многомесячное путешествие одну и поехал вместе с ней.

Они посетили Дельфы с их знаменитым святилищем, Афины, Коринф, Мегары, и на обратном пути на целую неделю задержались на большом острове Эвбея, где проживал дядя Эмилия Павла, младший брат его уже покойной матери. Однако и этого роксоланке показалось недостаточно, и она выпросила у купца в подарок... коня.

Молодого и горячего полуторагодовалого жеребца, стоившего целого состояния.

И стала затем на подаренном жеребце почти ежедневно совершать верховые прогулки по окрестностям Халкедона.

Больше всего она полюбила посещать берег моря и иногда её прогулки затягивались на много часов.

Обычно, по поводу её прогулок Эмилий Павел особо не переживал, но в этот раз, когда Савлея до заката солнца домой так и не вернулась, римлянин не на шутку встревожился. Он тут же, взяв с собой четверых молодых и крепких рабов, направился вслед роксоланке. Уже стемнело, когда они добрались до того места, где следы Савлеи потерялись. Это ещё больше взволновало Павла. Купец пол ночи провёл в поиске пропавшей роксоланки и вернулся домой совершенно обессиленный и ни с чем.

А вот под утро...

Савлея сама заявила.

Но у неё была изодрана одежда, роксоланка вся была растрёпана и перепачкана землёй вперемешку с кровью, и всё тело у неё было в многочисленных синяках и ссадинах.

Савлея объяснила, что её кто-то захотел украсть, увидев, что она прогуливалась по берегу моря одна. На неё напали с разных сторон люди в чёрных масках, и даже на какое-то время они смогли её связать и увезти на виллу, тоже приютившуюся на берегу моря, но которая

находилась в нескольких часах пути от дома Эмилия Павла, однако ей удалось перехитрить охранников и сбежать из своего заточения.

Уже позже Эмилий Павел выяснил, что эта вилла оказывается недавно была приобретена Аннием Феликсом, никомедийским дружкой купца, и после этого всё встало на свои места. Это нападение было инициировано Феликсом.

Ну и понятно почему?

Любитель красивых женщин, и особенно таких экзотичных и привлекательных, какой, несомненно, являлась роксоланка, всё не мог успокоиться, что она ему решительным образом отказала. Однако Эмилий Павел тогда подумал, что не стоит раздувать из-за случившегося похищения скандал и разрывать отношения со старым другом.

Впрочем, этот случай привёл к тому, что римлянин посоветовал своей роксоланке больше не рисковать и далеко и на долго не отъезжать от дома.

А ещё через пару месяцев, ну то есть в самом начале 107 года новой эры, и примерно где-то через полгода, как Эмилий Павел с Савлеей посещали Никомедию, из столицы провинции вновь пришёл вызов.

Купца на аудиенцию вызвал к себе новый наместник.

И закадычный друг Эмилия Павла, Анний Феликс, оказался не прав, когда заявлял, что новым наместником их провинции наверняка должен был стать римский юрист и в то время уже достаточно известный писатель Плиний Младший, но на самом-то деле...

Им был назначен совсем другой претендент.

Новым наместником Вифинии стал проконсул Аниций Максим.

Что же о нём знал Эмилий Павел?

Да практически ничего!

Хо-о-отя, впрочем, нет!

Он знал только то, что это был римский патриций и сенатор, и что он один раз избирался даже консулом, а ещё несколько лет он пробыл наместником, кажется, то ли в Киренаике, то ли где-то в Иллирике. Но Эмилий Павел прежде его никогда не видел и потому ему было любопытно познакомиться с новым наместником.

И оказалось, что он разительно отличался от прежнего, от проконсула Варена Руфа.

Если Варен Руф был болезненным и прежде времени одряхлевшим и вечно чем-то раздражённым тщедушным человечком, в конце концов, рано сошедшим от какой-то неизвестной хвори в могилу, то Аниций Максим оказался полной его противоположностью. Это был здоровяк, этакий внешне круглый крепыш с совершенно весёлым и незлобивым нравом. И он ну несколько не походил на типичного римского сенатора.

Обычно сенаторы представлялись какими?

Ну, прежде всего, надменными. И ещё не в меру чванливыми. А вот этот наместник, при появлении Эмилия Павла во дворце Никомеда, резво соскочил со своего места и, прямо какой-то по-кошачьи пружинистой и стремительной походкой, приблизился к визитёру. Как старого друга он его грубовато облапал, ну и затем предложил тут же сесть в кресло напротив себя.

Далее Аниций Максим велел слугам принести вина.

Всё вышколенными слугами было незамедлительно исполнено.

- Как дорога? – предупредительно спросил у купца новый наместник.

- Она мне привычна, проконсул, - ответил Эмилий Павел. – Я редко долго провожу время в своём доме...

- Да, разумеется, я это знаю, - вновь широко заулыбался розовощёкий Аниций Максим.

Немного поговорив ни о чём, наместник приступил непосредственно к делу:

- Тебе же известно, Павел, что Божественный уже вскоре возвращается из покорённой Дакии в Рим, где всю готовятся к его торжественной встрече? – спросил Максим.

- Ну, конечно, мне это известно... - кивнул головой купец.

- Слава Юпитеру Громовержцу и всем остальным Олимпийцам, война с северными варварами, наконец-то, успешно завершилась, однако не время расслабляться и вкладывать в ножны наши гладиусы, потому что... они ещё понадобятся. Ведь на-а-ам... предстоят новые не менее важные дела... Теперь необходимо будет провести ещё одну кампанию... Уже следующую... И... и эта следующая кампания будет ещё более масштабной... И ещё более кровопролитной... - и Аниций Максим многозначительно посмотрел на Эмилия Павла.

Купец о многом уже догадывался и тут же отреагировал на слова наместника:

- Как я полагаю, но следующая кампания будет не в островной Британии, и не в дремучих лесах Германии? И она начнётся даже и не в Европе!

- Ты проницателен, Павел! Поэтому тебя и ценит Божественный! Теперь легионы направятся на Восток!

- И, получается, что эта новая кампания обязательно затронет Армению?

- И не только её!

- О-о?! Даже так?

- Да! Даже так. За Арменией зримо проглядывает Парфия. И нам любой ценой необходимо разрушить их союз! – закончил свою мысль новый проконсул Вифинии.

Эмилий Павел понял, что новый наместник его вызвал к себе не просто для знакомства и что ему вновь надо будет собираться в дорогу.

Однако теперь его путь лежал не в Северное Причерноморье, а напрямиком в Арташат, в столицу Великой Армении.

До Арташата дорога была не близкой, и Эмилий Павел добирался до этого города почти пол месяца.

За Галисом закончилась обширная равнина, кое где больше походившая на степь и переходившая местами в холмы, и начались горы. Настоящие, высокие.

И они постепенно поднимались всё выше и выше.

Тогдашняя столица Армении, город Арташат, располагалась у подножия величественного Араарата. Рядом нёс свои быстрые воды вечно беспокойный Аракс.

Город этот был достаточно большим, хотя, конечно же, уступал не только Риму, но и Антиохии, и даже столице Вифинии.

Он раскинулся на девяти холмах. И по поверью место для этого города в правление царя Арташеса I выбрал знаменитый карфагенский полководец Ганнибал, который после своего поражения в Италии сбежал на Восток и скрывался одно время от римлян в Армении.

Именно он, Ганибал, указал на наилучшее место для города. И вот уже на протяжении почти трёх веков Арташат являлся столицей Армянского царства.

Уже в прошлом осталась эпоха, когда Армения доминировала на Ближнем Востоке, теперь же ей приходилось лавировать между двумя своими более могучими соседями - Римом и Парфией, чтобы только выжить. И, в конце концов, Армения прибилась к восточному берегу и стала в основном ориентироваться на Парфию.

Тем более в Арташате уже несколько десятилетий правила младшая ветвь Аршакидов, которую на армянский лад стали называть Аршакуни.

На аудиенцию к армянскому царю Санатруку Эмилий Павел не сразу попал.

Римлянину под разными предложениями в аудиенции долго отказывали, но вот, по истечению третьей недели, как он находился в столице Великой Армении, ему сообщили, что царь его всё же готов принять.

Царский дворец в Арташате был возведён на вершине одного из девяти холмов, на которых раскинулся город, и который назывался Царским, но до него пришлось подниматься по

лестнице, частично вырубленной прямо в скале, и которая была неудобной и невероятно крутой.

Эмилий Павел, наверное, с пол часа по этой лестнице поднимался, делая периодически остановки, и, в конце концов, кажется, совсем выдохся и устал (римлянин не знал, что был и иной путь, однако его специально заставили подниматься именно поэтому, который являлся гораздо более труднопреодолимым).

Дворец был выстроен в эллинистическом стиле и оттого крыши у него были высокими и двускатными, а Парадный вход увенчивали внушительные колонны с коринфскими капителями. Лестницу по бокам охраняли львы.

Львов было двенадцать.

И все они были в разных позах и изваяны были немного топорно, примерно так же, как в древности это делали ещё давнишние повелители Малой Азии, загадочные ныне хетты.

Так как Эмилий Павел представился не послом, а частным лицом, то его приняли не в торжественной обстановке, и не в Тронном зале, а во внутреннем дворе, где разбит был парк и всюду щебетали птицы.

Эмилий Павел сразу же обратил внимание на то, что царь Армении выглядел, как типичный парн. У него была и одежда парфянская, и сапоги, и даже на парфянский манер позвякивали серьги в обоих ушах и все пальцы были унизаны перстнями.

Царь Санатрук явно обожал дорогие погремушки.

Римский разведчик протянул секретарю Санатрука послание, ну а тот уже с поклоном его передал царю.

Санатрук сорвал печать и развернул папирус, затем приблизил его к лицу. (Повелитель Великой Армении немного был близорук, однако это тщательно скрывалось.)

При прочтении послания с лица царя сошла дежурная улыбка и оно стало сосредоточенным.

В папирусе наместник Вифинии передавал приветствие от могущественного владыки Римской империи и его пожелание не только сохранять, но и дальше развивать и укреплять дружбу с Великой Арменией. Однако более важным было то, что Эмилий Павел должен был сообщить на словах.

Прочитав послание, царь поднял глаза и пристально посмотрел на римлянина.

- Я тоже дорожу дружбой с Великим Римом! – произнёс по-гречески армянский правитель.

- Я это передам Божественному, но мне переводчик не нужен... - ответил на чистейшем греческом Эмилий Павел, и его намёк Санатрук прекрасно понял.

Секретарь царя был удалён.

Когда Санатрук и Эмилий Павел остались одни, то римский купец и по совместительству ещё и разведчик заговорил более свободно. Однако, заранее продумав этот разговор, - а он был очень важен, и при ведении его ни в коем случае нельзя было допускать оплошности, - римлянин начал его так, что намерено напустил тумана:

- Государь, тебе же уже, наверное, известно, что происходит в последнее время на Западе? – спросил Эмилий Павел у Санатрука.

Эмилий Павел не стал торопиться с наводящими уточнениями. Ему было важно выяснить настроение армянского правителя. Как Санатрук вообще относился к политике Рима в Европе, ну и как он оценивал самого императора? И что же он знает о тех событиях, которые происходят на западных границах империи сейчас?

Так что этот достаточно расплывчатый вопрос был у Эмилия Павла не случаен, и его он заранее подготовил.

В разговоре наступила пауза.

Санатрук смотрел немигающим взглядом и всё не отвечал. Как будто бы он не услышал вопроса.

И тогда римский посланец вынужден был отреагировать на это и прояснил свой вопрос:

- Государь, я имею ввиду дела в Европе. А ещё то-о-очнее... Я сейчас имею ввиду события на Балканах...

- Так что, ты, посланник, хочешь напомнить мне про войну, которая недавно разгорелась между даками и Римом? – уточняясь, переспросил повелитель Армении.

- Вот именно! Я имею в виду эту войну! – подтвердил Павел.

- Хм-м-м... И что? - последнюю доброжелательность на лице Санатрука как ветром сдуло и у него вместо этого проявилась озабоченность. И ему её даже не удалось перед римским разведчиком как-то скрыть. Эта война явно Санатрука напрягала. - Это уже которая война у Рима с непокорными даками? – переспросил армянский правитель.

- Если считать с предыдущим принцепсом...

- С ним и считай.

- То за последние лет пятнадцать... уже будет третья. Не считая, разумеется, более мелких и всяких там приграничных конфликтов...

- Во-о-о-от! И я об этой войне, конечно же, наслышан, - заметил совсем уж нахмурившийся Санатрук. Он уже понял о чём пойдёт сейчас речь. - До меня дошли известия, что она началась с нападения даков на пограничные укрепления и на большой мост Апполодора, только что перекинутый римлянами через Истр.

- Всё верно, государь!

- ... И что император со своими легионами в ответ вторгся в пределы царства Децебала.

- Это вынужденный со стороны императора был шаг, государь.

- Вынужденный?

- Конечно же!

- Ну-ну...

- Ну по суди же, государь: даки и развязали эту войну... И е-ещё... А тебе известно, что эта война уже завершилась?! Уже как несколько месяцев назад!

- И чем же она завершилась, римлянин?

- Всё предсказуемо...

- Ты хочешь сказать, что она завершилась победой не даков, а Великого Рима?

- Ну, конечно! А иначе и быть не могло!

- Хм-м-м... Что, прямо-таки и полной победой она завершилась?!

- Полной и безоговорочной! Божественный Траян в очередной раз всей Ойкумене доказал, что с Римом тягаться никто не может! Сармизегетуса им разрушена... и уже дотла сожжена. Многие приближённые Децебала погибли или попали в плен. И иного исхода не могло быть!

Санатрук не сдержался и покачал головой, а Эмилий Павел с ещё большим напором продолжил:

- После этого Децебал покончил с собой, и его голова была показана в Сенате и затем её скинули с Гемонианской лестницы. Ну а далее... А вот далее Дакия объявлена была новой провинцией Рима! Так что те-е-еперь... Децебал и его злобные даки уже не угрожают границам империи и по-о-оэтому...

Эмилий Павел надолго замолчал.

Но и без его слов было уже понятно, что же последует дальше.

В его оборванной реплике явно скрывалась угроза. Угроза совершенно неприкрытая. Ведь в дальнейшем предполагался разворот могучей Римской империи на Восток, и в этой ситуации Рим неизбежно сталкивался с Великой Арменией, и поэтому эту страну он хотел оторвать от её традиционного в последнее время союза с Парфией.

Оторвать любой ценой.

В стратегическом плане для Траяна это было необходимо.

Приватный разговор царя Великой Армении Санатрука с Эмилием Павлом затянулся на целых пять часов, и затем продолжился уже на следующий день.

А после двух первых продолжительных аудиенции Эмилий Павел встречался с царём Армении и ещё несколько раз.

С трудом, преодолевая не малые сомнения и оправданные страхи, но всё-таки царь Санатрук был вынужден выслушивать требования, которые выдвигались к нему со стороны римлян. Ну а те...

С царём Армении они не церемонились, и тот был жёстко поставлен перед выбором: либо в будущем наступлении Траяна на Восток, он не будет никаким образом препятствовать римскому продвижению за Евфрат, ли-и-ибо... если он по-прежнему будет придерживаться пропарфянской ориентации, то его постигнет участь несчастной Дакии и её царя Децебала.

В заключении Эмилий Павел с откровенной угрозой произнёс:

- Государь, вспомни... прошу тебя: вспо-омни про Гемонианскую лестницу... Ведь по ней много уже скатилось непокорных голов! Одной меньше и-и-или... одной больше... Так что выбор за тобой!

И, в конце концов, повелитель Великой Армении не выдержал напора Эмилия Павла и сдался. И сделал благоприятный для Рима выбор.

После долгих и мучительных колебаний, но он всё же согласился помогать будущему римскому наступлению на Парфию.

И тут следует заметить, что о посещении римского разведчика и о том, чего же Эмилий Павел несколько дней добивался от правителя Великой Армении Санатрук не счёл нужным от Хосроя I скрывать, но только по понятной причине он опустил некоторые неудобные и достаточно важные подробности.

Впрочем, об этих подробностях сразу же узнали и в Ктесифоне.

От своих агентов, которые, конечно же, находились при царском дворе в Арташате, и всё сумели подслушать.

И вот из-за этого-то и произошёл несчастный случай на царской охоте...

Когда неожиданно для всех царь Великой Армении Санатрук был поражён чьей-то стрелой.

И эту стрелу на него направил кто-то из его же ближайшего окружения.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мы вновь возвращаемся читатель в Парфию...

Но вначале не лишним будет рассказать, как же возникла эта держава, которая на протяжении нескольких веков являлась главным соперником Рима на Востоке. А ведь о ней многие до сих пор мало что знают, да и появление её поначалу было совершенно неожиданным. Более того: ничего не предвещало, что вообще подобная держава может где-то на самой окраине цивилизованного мира появиться.

И всё же она появилась!

Причём, кажется, вопреки всем превратностям.

Так, как же всё происходило?

А вот об этом я сейчас и расскажу...

Ну а начну я свой рассказ, наверное, вот с чего...

К северу от Восточных иранских провинций, между двумя замкнутыми водоёмами (Каспийским и Аральским), в засушливых степях издавна кочевали саки и родственные им мас-

сагеты. К началу IV века до новой эры на базе последних сложился новый племенной союз дахов, среди которых главным племенем стали парны. Во главе же этих парнов утвердился некий Аршак, которого древние авторы с пренебрежением называли обычным разбойником, но впрочем племя его возвысилось по-настоящему уже при его сыновьях, одного из которых звали Тиридатом, а у второго имя было такое же, как и у отца.

К этому времени как раз держава Селевкидов начала ослабевать и от неё стали откалываться одна за другой все её восточные сатрапии, которые провозглашали себя независимыми царствами. Так во главе Бактрии встал Диодот, ну а в Парфии утвердился некий Андрагор.

Этим и решили воспользоваться сыновья Аршака.

Диодот, у которого на тот момент под рукой оказалось не малое количество греческих наёмников, сумел в конце концов отбиться, а вот Андрагор был свергнут, и в Парфии утвердились парны. Так появилось ещё небольшое Парфянское государство, возникшее на самом краю империи Селевкидов, и которое поначалу никто из соседей всерьёз не воспринимал: ни Греко-Бактрийское царство, ни тем более Селевкиды, которые вслед за Александром продолжали претендовать на гегемонию в Азии.

Однако новое образование оказалось на удивление устойчивым, и пришлые и совсем уж дикие кочевники быстро обтесались и слились с местным и более цивилизованным населением. Они даже вскоре захватили и соседнюю Гирканию. Вот только в одной из стычек с воинами Андрагора один из братьев погиб и во главе недавно возникшего Парфянского царства встал Тиридат, который в память о своём старшем брате, где-то в 248 году до новой эры принял тронное имя Аршак II.

Именно этот самый Аршак II, по существу, и основал державу парфян.

И датой её возникновения стал считаться 248 год до новой эры.

Первое и очень серьёзное испытание эта только-только ещё нарождавшаяся держава вынуждена была пережить уже через тридцать с небольшим лет...

Это случилось в правление Антиоха III Великого, при котором к Селевкидам вернулось прежнее могущество и их царство вновь стало сильнейшим в Азии.

В 212 году до новой эры этот царь, собрав армию в несколько десятков тысяч хорошо оснащённых и обученных наёмников, и состоявшую прежде всего из греческих и македонских гоплитов, начал свой знаменитый Восточный поход, продлившийся аж семь лет, и входе которого многие Восточные земли, ранее отпавшие от Селевкидов, вновь признали их власть.

Подчинились Антиоху III и Греко-Бактрийское царство, и Парфия, и даже некоторые территории за Индом. В Парфии же в это время ещё правил Тиридат I, но он уже был в преклонном возрасте.

В итоге парфяне лишились всех своих внешних владений, таких как Гиркания и Маргиана, и обязались выплачивать Селевкидам внушительную дань.

И только ещё через сорок лет, когда в Парфии к власти пришёл Митридат I, начался новый подъём этого царства.

И он уже стал необратимым.

Кстати, кое-что следует рассказать об этом самом Митридате I.

Парфяне его больше всех из своих правителей почитали, хотя он получил власть почти что случайно. Я даже больше скажу: власть ему, по существу, свалилась на голову с верху, в виде подарка.

А сделал ему этот подарок его старший брат Фраат I, потому что он признал в своём младшем брате выдающиеся способности и исключительную доблесть. И именно Митридата I можно было по праву считать создателем Великой Парфянской империи.

Ведь он сбросил с Парфии Селевкидское иго и значительно расширил пределы своего государства.

У Митридата I было много достоинств. И прежде всего ему присуще были решительность и отвага, и по вступлению на трон он не стал медлить.

Собравшись с силами, он начал действовать, причём по всем направлениям.

Вначале он вторгся в Западные области Греко-Бактрийского царства и ему удалось их захватить. Затем, воспользовавшись тем, что наместники Восточных сатрапий Селевкидской державы стали провозглашать себя независимыми правителями, он двинулся и в их сторону.

После нескольких походов ему удалось присоединить такие богатые и населённые провинции, отколовшиеся от Селевкидского царства, какими на тот момент являлись Персида, Элимаида и Мидия.

Ну а далее...

А вот далее наступил черёд уже самой яркой и самой дорогой жемчужины тогдашней Азии.

Речь идёт уже о Месопотамии...

Это была богатейшая и, пожалуй, самая важная сатрапия в Селевкидской державе, и за неё эта династия держалась изо всех сил, но всё-таки даже отчаянная попытка отстоять её, предпринятая со стороны талантливого полководца Деметрия II Никатора не выправила положение, и Месопотамия, в конце концов, была присоединена к Парфянскому царству, а главный её город, блистательная Селевкия-на-Тигре, стала по существу новой столицей уже парфян.

Интересна дальнейшая судьба Деметрия II Никатора, главного противника Митридата I ...

И тут не обойтись без дополнительного рассказа о нём.

Этот Селевкидский царь попал в плен, однако парфяне не предали его казни, а отдали ему в жёны дочь Митридата I, прекрасную Родогуну, и он в качестве почётного пленника был поселён в Гиркании. И там прожил ни в чём не нуждаясь не один год.

Деметрий несколько раз пытался бежать из плена, но каждый раз его перехватывали на пол пути и возвращали назад.

Однако Селевкиды не собирались мириться с потерей Верхних сатрапий, и прежде всего Месопотамии, и через некоторое время попытались их вновь вернуть.

Очередную попытку они предприняли уже после смерти Митридата I .

И вот как это происходило...

Митридату I наследовал его сын, который принял тронное имя Фраата II. Он был ещё слишком юн, когда заступил на трон, и на первых порах от его имени всеми делами в державе начала заправлять мать Фраата II, которую звали Ринной.

Это была умная и властная женщина, и двор перед ней склонил голову.

Её почитали и уважали, как правителя-мужчину.

Ну а затем наступил звёздный час и её сына.

На короткое правление этого царя пришлось новое наступление Селевкидов, предпринятое ещё одним даровитым их царём. Это уже был младший брат находившегося в плену у парфян Деметрия II Никатора Антиох VII, получивший прозвище Сидет (это прозвище указывало на то, что своё детство этот царь провёл в малоазийском городе Сиде) .

Антиох VII Сидет завоевал бешенную популярность у себя на родине.

И это было неудивительно.

Он был молод, удачлив, привлекателен обликом, умел обаять окружающих, а ещё он был дерзок. И необыкновенно отважен. Ему прочили славу не меньшую, чем ту, что была у Александра Великого. Антиоху Сидету было всего двадцать с небольшим лет, а он успел много чего совершить.

Он усмирил иудеев, вырвал власть из цепких рук коварного узурпатора Трифона, и в целом железной рукой навёл порядок в царстве. Понимая, что война с парфянами предстоит нелёгкая, он собрал большую и отлично обученную армию в сто тысяч воинов, основу которой составили тяжело вооружённые греческие гоплиты и почти двадцать тысяч конников, и переправился с этими внушительными силами через Евфрат.

Поначалу его наступление на Парфию было успешным.

Антиох VII Сидет в трёх битвах наголову разбил парфянские войска, включая и армию главного парфянского военачальника Индата (армию его Антиох буквально превратил в пыль на берегу Ликоса, левого притока Тигра), и затем продвинулся к Вавилону. Селевкия-на-Тигре, населённая преимущественно греками, восстала и открыла ворота перед победоносной армией Селевкидов. Антиоха VII Сидета в этом городе встречали с ликованием все от мала и до велика и перед его воинами выстлали ковры из живых цветов.

Парфяне повсюду едва-ли не панически отступали и оставляли всё новые и новые территории.

Вскоре Антиох VII Сидет занял ещё и Мидию, Гирканию и даже часть Парфии. И многим уже представлялось, что дни Парфянской державы сочтены... Ведь парфяне едва удерживали за собой Нису, свою первую столицу, находившуюся на самом краю их владений.

Победоносные войска Селевкидов рассредоточились на зиму по многим городам Месопотамии, Мидии и Гиркании, и Антиох VII начал вести переговоры о капитуляции парфян. И, казалось бы, у его противника не было иного выхода, как признать своё безоговорочное поражение... Молодой царь-триумфатор был категоричен и потребовал от побеждённых освободить из плена своего старшего брата Деметрия II Никатора, которого он собирался сделать своим соправителем и намеревался ему отдать власть над только что отвоеванными Верхними сатрапиями, и чтобы парфяне выплатили огромную контрибуцию и признали над собой верховенство Селевкидов.

Фраат II намеренно затягивал переговоры, а сам в это время готовился к ответному удару. Он даже для этого наступления заключил союз с прежними своими врагами - саками, только что отобравшими большую часть Бактрии у потомков Диодота.

Ну а ещё парфяне в тайне от греков готовили у них в тылу всеобщее восстание.

И с их стороны это был самый опасный ход, о котором Антиох Сидет до последнего момента даже не подозревал.

Ну и роковой ошибкой Антиоха VII Сидета стало ещё и то, что свои войска он рассредоточил небольшими гарнизонами по многим городам Верхних сатрапий, и когда началось одновременно восстание против Селевкидов и в Мидии, и в Гиркании, и в Элимаиде, и в прочих сатрапиях, греки попали сразу в крайне затруднительное положение, так как в каждом городе их было недостаточно и им не хватало сил для подавления возмущения. Антиох с небольшим отрядом своих телохранителей и несколькими отрядами конницы бросился на выручку осаждённым гарнизонам, но на его пути внезапно выросли основные силы парфян и союзных им саков.

Поняв, что он оказался в безвыходном положении, и не имея возможности противостоять десятикратно превосходящему врагу, Антиох VII Сидет направил своего коня в пропасть и таким вот образом покончил счёты с жизнью.

На тот момент этому бесспорно талантливому молодому правителю Селевкидской державы было всего каких-то неполных тридцать четыре года. И он не на много дольше пережил своего кумира, Александра Великого.

Восхищённые его храбростью парфяне этого Селевкидского царя похоронили с величайшими почестями. И уже вскоре Фраат II вернул все утерянные парфянами территории, а Селевкидское царство окончательно ужалось до границ Сирии и соседней с ней Киликии.

Кстати, ещё следует особо подчеркнуть, что именно с Митридата I парфяне стали всё чаще вспоминать предшествующую эпоху.

Я здесь имею ввиду прежде всего эпоху древней персидской династии Ахеменидов, правивших во всей Азии до прихода туда Александра и его македонцев.

Так, при Аршакидском дворе начали именно с этого времени утверждать, что их род вообще вёл своё начало от Шахин шаха Артаксеркса IV. То есть Аршакиды всем доказывали, что они связаны были с Ахеменидами напрямую родственными узами.

Если раньше многие иранцы и представители прочих восточных народов охотно учили греческий язык и перенимали традиции и даже совсем уж экзотические привычки, которые проникали с Запада, из Греции и Македонии, то теперь в моду вновь стало входить всё иранское: язык-пехлеви, одежда, причёски, этикет, и ещё многое другое.

И уже всеми определённо ощущалось, что с ослаблением Селевкидов и падением Греко-Бактрии, эпоха эллинизма в Азии безвозвратно уходила в прошлое.

Я бы сказал так: Восток вновь становился самим собой, и ему уже расхотелось походить на Запад.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Следующим великим правителем на парфянском престоле стал Митридат II. Он правил с 124 по 91 г.г. до новой эры.

Парфяне вообще его считали самым великим правителем среди Аршакидов. И это было оправданно. Именно он первым среди парфянских правителей принял титул Царя царей, который применялся по отношению ещё к Ахеменидам.

При этом Шахин шахе парфяне закрепили за собой все прежние завоевания и отбили на своих восточных рубежах мощное вторжение юэчжей, а затем Митридат II впервые перешёл через Евфрат и вторгся в Армению и прилегающие к ней области Закавказья.

И именно при нём парфяне впервые вступили в дипломатические отношения с Римом и далёким Китаем. А также налажен был торговый путь от Сианя и до Рима, который вскоре назовут Шёлковым путём

И можно уже вполне обосновано сделать вывод, что при Митридате II Парфия окончательно сформировалась, как великая держава, которая на равных смогла вести дела с тогдашней Римской республикой и отдалённой и оттого загадочной китайской империей Хань.

И это действительно была уже мощная держава!

Которая вела дела на равных и с Римом, и даже с далёкими ханьцами.

Следующей значительной фигурой среди парфянских Аршакидов стал Шахин шах Ород II. Он правил с 58 по 38 г.г до новой эры, и на годы его правления пришлось тоже не мало драматических событий.

Вообще его правление оказалось очень даже непростым и где-то даже трагичным.

Ну, во-первых, чтобы занять трон Ороду потребовалось изрядно попотеть. Ведь никто не преподнёс ему власть на блюдечке, и Ороду пришлось бороться с многочисленными родственниками, и прежде всего с Митридатом III, старшим братом, который уже над частью Парфии наложил свою длань и стал там править.

Но тут ему очень помог военачальник по имени Сурена.

Митридат был свергнут и бежал в Сирию, которая уже была под властью римлян. Затем он попытался вернуть себе власть, и даже со своими сторонниками занял всю Месопотамию и вновь себя провозгласил Царём царей.

Впрочем, вскоре его армия была повторно разбита и Сурена осадил Митридата III в Селевкии-на-Тигре, а далее оттеснил в Вавилон, и после долгой осады пленил.

По распоряжению Орода II его старшего брата казнили. Однако на этом у нового царя проблемы не закончились. Для него всё только ещё начиналось...

Потому что на Западе уже зарождалась ещё одна буря.

Но только эта буря не имела природного характера, а представляла из себя первое масштабное вторжение, которое совершенно в открытую начали готовить римляне.

Рим изготовился продолжить свой натиск на Восток.

К тому времени в Римской республике сложился Триумвират (он состоял из трёх политиков и военачальников: Гая Юлия Цезаря, Гнея Помпея и Марка Лициния Красса), и один из этих триумвиров, а именно Марк Лициний Красс, самый богатый тогдашний римлянин и победитель Спартака, вознамерился покорить Парфию.

Красс прибыл в Сирию в 54 году до новой эры.

Войско его было не очень большим и состояло из 35 тысяч легионеров и примерно из 8 тысяч всадников и ещё нескольких тысяч вспомогательных частей. К римлянам присоединились также отряды армянского царя Артавазда и кочевые арабы, и Марк Лициний Красс посчитал, что этих сил ему вполне достаточно, чтобы разгромить державу Аршакидов.

Красс к парфянам относился пренебрежительно и считал их всего лишь дикими и ни на что не годными кочевниками.

Самоуверенный проконсул настолько уверовал в свою предстоящую победу, что особенно и не готовил армию к этому походу, и даже не стал проводить предварительную разведку приграничья.

Предполагая, что Красс выберет более длинный, но в тоже время и более безопасный маршрут для наступления, а он безусловно проходил бы исключительно через Армению, Шахин шах первым вторгся в восточную часть Армянского нагорья, а прикрывать со стороны Евфрата Месопотамию оставил с меньшими силами Сурену. Но Красс неожиданно выбрал маршрут не через нагорье.

Он переправился через Евфрат у Зевгмы и двинулся к сердцу Месопотамии, то есть к Селевкии-на-Тигре.

У Сурены под рукой было всего 10 тысяч легковооружённых конных стрелков и тысяча катафрактариев, и он стал избегать решающего сражения. Сурена отступал и коварно заманивал в глубь засушливой степи римлян. Однако при отступлении парфяне с утра и до вечера обстреливали противника, изматывая его постоянно на марше.

При армии Сурены был обоз, состоявший в том числе из тысячи верблюдов, и на этих верблюдах конным лучникам парфянского военачальника всё время подвозили стрелы. Так что в стрелах у парфян не было недостатка.

Красс решил двинуться самым коротким путём через выжженную южным солнцем степь и этим самым усугубил своё и так не очень уж завидное положение. Не один день продвигались римляне по безводной степи, испепеляемые безжалостными солнечными лучами и постоянно обстреливаемые противником.

Силы римлян с каждым новым днём неуклонно таяли.

Где-то к 9 июня 53 года до новой эры, донельзя измотанная тяжёлым переходом и постоянными обстрелами, армия Красса подошла, наконец-то, к Каррам. Здесь проконсул получил

известие, что основные силы Сурены находятся совсем рядом. И не дав своим легионерам передышки проконсул приказал двигаться дальше.

Тут же, как будто бы из ниоткуда, появились вражеские всадники.

Римляне построились в каре и тотчас же их окружили парфяне.

Парфянские конные стрелки стали быстрым аллюром кружиться вокруг римлян и засыпать их стрелами.

Римские ряды редели. А парфяне продолжали атаковать воинов проконсула Марка Лициния Красса. Стрелы их тучами нависали над римскими рядами и закрывали легионерам всё небо. Попытки римлян контратаковать противника оказались безуспешными.

Тогда Красс велел своему сыну Публию атаковать парфян силами тринадцати сотен кавалерии, пятьюстами лучников и восемью когортами тяжёлой пехоты. Парфяне начали быстро отступать, желая Публия завлечь подальше в степь и оторвать его от основных сил.

И этот манёвр им удался.

Горячий молодой римский военачальник, совершенно не знакомый с тактикой степняков, поддался на обман и бросился за отходившим противником. Когда же отряд Публия оказался настолько далеко от своих, что они уже не могли ему прийти на помощь, то парфяне разом развернулись и набросились на отряд римлян, и практически полностью его истребили.

Узнав об этом побоище, Красс попытался прийти на помощь остаткам отряда сына, но было уже поздно. В отряде Публия практически никому не удалось спастись. И затем сотни отрезанных голов воинов Публия, вместе с головой самого сына Красса, парфяне для устрашения остальных римлян выложили несколькими рядами на земле.

Атаки парфян продолжались до темноты, ну а затем конница Сурены исчезла во мраке.

Красс настолько был напуган и растерян, что приказ об отступлении отдал не он, а один из его помощников. Остатки армии Красса отошли к Каррам и там укрылись за стенами.

На следующий день парфяне добивали раненных, оставленных римлянами на поле боя.

Долго находиться в Каррах Красс не мог, и он решил пробиваться на Север, во владения своего союзника Артавазда. Однако вышедшая из Карр армия целый день проплутала по степи, так как проводник римлян оказался парфянским агентом, и он намеренно завёл Красса и его армию в ловушку.

Римляне вновь были парфянами окружены со всех сторон, и Сурена предложил им сдаться.

Красс больше двух суток колебался, но, в конце концов, с несколькими своими военачальниками прибыл в ставку Сурены для переговоров, и вот здесь-то произошёл неожиданный конфликт, закончившийся тем, что все римские военачальники были парфянами безжалостно перебиты.

После этого парфяне довершили разгром уже обезглавленной армии Красса. И из почти сорока пяти тысячной армии римлян в Сирию вернулось меньше половины. Примерно тысяча семнадцать-восемнадцать совершенно деморализованных воинов. А ещё около десяти тысяч легионеров оказались в плену, и парфяне их отправили на свою Восточную границу.

Ну а пока Красс со своими воинами истекал кровью в окрестностях Карр, Ород II прибыл в Армению с основными военными силами. Там он предложил в жёны сыну армянского царя свою сестру. И Артавазд принял это предложение и разорвал союз с Римом.

Древнегреческий писатель Плутарх красочно описал, как в Арташате, в городском театре отмечалась свадьба наследника царя Армении и сестры Шахин шаха, и как в самый разгар свадебного пира на сцену вынесли на золотом подносе голову и правую руку Красса, и все присутствующие, включая Орода и Артавазда, этому страшному экспонату неистово рукоплескали, поднявшись со своих мест.

После этого по всей Азии разнеслась весть о тотальном разгроме римлян, которые раньше считались непобедимыми.

И власть Рима в Восточных провинциях сразу же зашаталась.

Однако этой впечатляющей победой парфяне так и не сумели в полной мере воспользоваться. Победитель Красса, парфянский военачальник Сурена, провёл в Селевкии-на-Тигре не согласованный сверху триумф и вызвал из-за подобной самодеятельности подозрения у Шахин шаха, что этим всё далеко не ограничится.

По приказу Орода II Сурену тут же схватили и предали казни, и на его место Шахин шах поставил царевича Пакора.

Новый парфянский главнокомандующий оказался менее талантливый, чем Сурена, и его последующие рейды на территории Сирии и Малой Азии ничем реальным не закончились, и парфяне вынужденно отступили.

Но вскоре в Риме началась Гражданская война и парфяне вновь этим задумали воспользоваться... Вначале их помощи усиленно начал искать Гней Помпей, однако на тот момент Орода II отвлекли дела на Восточной границе, и он не смог оказать какого-либо существенного содействия противнику Цезаря.

Ну а когда Цезарь победил, то уже он решил перейти в наступление. Он наметил большой поход, и только преждевременная смерть диктатора, когда его закололи заговорщики-сенаторы, помешала этим далеко идущим планам осуществиться.

После этого в Римской республике вновь вспыхнула ожесточённая Гражданская война, и уже другой претендент на Верховную власть, Марк Антоний, стал искать у парфян помощи. Но всё свелось к их вторжению.

Парфяне оккупировали Сирию, Финикию и практически всю Малую Азию, и современникам уже представлялось, что Шахин шаху Ороду II удалось воссоздать державу Ахеменидов во всём её блеске и величии, однако удержать эти провинции за собой ему так и не получилось.

Впрочем, на всё давайте смотреть трезво и признаем, что именно при Ороде II Парфия оказалась на пике своего могущества.

Центр державы переместился далеко на Запад, в Месопотамию, и столицей царства был выбран Ктесифон (прежний Опис), город, находившийся поблизости с крупнейшим тогда торгово-ремесленным центром всей Азии Селевкией-на-Тигре.

Однако правление Орода II закончилось для самого этого Шахин шаха весьма трагически...

Он уже был стар, и когда в одном из сражений с римлянами погиб его любимый сын, царевич Пакор, являвшийся главнокомандующим парфянских войск, то от горя Ород II сошёл с ума. Ну и после этого трон силой захватил Фраат, другой его сын (а их у этого Шахин шаха было тридцать).

Но прежде...

Прежде этот негодяй, не проявив ни капли жалости, убил своего старого и совершенно немощного отца.

Причём убил его жестоко.

Вначале Фраат IV хотел отца своего отравить, но это у него не получилось, яд почему-то должным образом не подействовал, и тогда он родителя своего хладнокровно задушил. И совершил Фраат IV это злодеяние собственными руками. В общем, тот ещё оказался сыночек.

Однако новый Шахин шах не ограничился убийством того, кто его породил. Этого ему было совершенно недостаточно. Именно так он посчитал.

Затем этот хладнокровный убийца устранил конкурентов. Всех своих братьев. А я напомним, что их у него было не два и не три, а – почти тридцать! И некоторые из них были ещё детьми. Так что вы можете представить, какое же чудовище вошло на трон.

Однако и на этом Фраат IV не собирався останавливаться...

Да-да!

Этот чёрный демон во плоти развязал репрессии и в отношении многих других знатных парфян. Тут счёт убитых вскоре пошёл не на сотни, а может быть на тысячи. У царя-садиста руки по локоть оказались в крови. Он при своём дворе подозревал почти что каждого и только одним своим угрюмым и злобным видом наводил на всех окружающих неподдельный ужас.

Впрочем, подозрительность нового Шахин шаха оказалась не беспочвенной, так как после гибели Гая Юлия Цезаря, один из ближайших его сподвижников, Марк Антоний, закрепился в Азии и с воодушевлением стал заглядывать на богатую Парфию.

В отличие от Красса Антоний являлся опытным воякой и должен был по всем раскладам добиться успеха. Тем более его вторжение в пределы державы Аршакидов поддержала значительная часть знатных парфян, недовольных Шахин шахом садистом, и всё кажется к успеху и склонялось...

Ну а что же вышло-то на самом деле?

А вышло то, что и вторжение Антония оказалось провальным, хотя и не настолько, как предыдущий поход римлян, возглавлявшийся Марком Лицинием Крассом. Антоний всё же головы своей не лишился.

Однако помимо того, что Фраату IV пришлось отбиваться от очередного вторжения римлян, он ещё и пережил отстранение от власти, и лишь только через некоторое время ему удалось вернуть себе трон.

Но закончил жизнь Фраат IV так же, как и его отец.

То есть он закончил её скверно.

Потому что и этого Шахин шаха убил один из его ближайших родственников.

Но об этом я расскажу чуть позже...

Вообще, следует отметить, что Гражданские войны были присущи не только Римской республике. Не избежала подобных же эксцессов в те годы и Парфия.

Разборки среди группировок парфянской знати возникали постоянно, и выливались они всё чаще в кровавые дворцовые перевороты. А нередко бывало и так, что на трон одновременно усаживалось по два-три и даже по четыре претендента, которые оспаривали друг у друга Верховную власть и титул Шахин шаха, ну и в придачу они остервенело рвали свою державу на части.

В итоге эти разборки затянулись на долгие десятилетия.

И это не могло не ослабить Парфию.

Ну а ещё усугубляло в этой державе ситуацию и то, что род Аршакидов к тому времени разросся неимоверно.

Он уже насчитывал не одну сотню честолюбивых претендентов: братьев двоюродных, троюродных и прочих дядей и племянников. И потом, в этой державе существовала довольно-таки значительная прослойка эллинизированного населения, и особенно его много имелось в городах Месопотамии.

Так крупнейший торгово-ремесленный центр этой державы, Селевкия-на-Тигре, с населением почти в восемьсот тысяч человек, по существу, был заселён не только выведенными из Вавилона горожанами, но и прежде всего греками и эллинизированными сирийцами и македонцами. У этого города даже был свой небесный покровитель – Аполлон Комайос. Исключительно греческий персонаж, прописавшийся на Олимпе.

И неудивительно, что Селевкия-на-Тигре неоднократно восставала против чуждых ей и по культуре, и по языку парфян,

Так что Аршакиды считали этот город ненадёжным, и из-за этого перенесли свою столицу в соседний Ктесифон.

Но вернёмся к отъявленному садисту...

Чтобы понять до чего же испортились нравы при дворе Аршакидов в то время, я расскажу о последнем периоде жизни этого изверга... А о нём дурная слава разлетелась далеко за пределы подвластной ему державы и сохранялась ещё многие годы после его смерти.

На склоне лет большое влияние на Фраата IV приобрела его самая младшая жёнушка, которая по происхождению являлась римлянкой, и которую звали Музой.

Чтобы расчистить путь к трону для своего ненаглядного сыночка, тоже названного Фраатом, эта Муза смогла убедить Шахин шаха отправить его четырёх сыновей от предыдущих браков в качестве почётных гостей, а на самом деле заложниками в далёкий Рим (среди этих четверых был и будущий Шахин шах Вонон I).

Ну а затем...

А вот затем эта самая Муза отравила своего престарелого муженька и уже ничто ей не мешало привести к власти своего послушного сыночка.

Но этого бывшей невольнице, ставшей законной, хотя и младшей женой Шахин шаха Фраата IV, показалось совсем недостаточно, и она...

Эта самая Муза вышла замуж...

Ну и за кого бы вы думали?

Отвечаю...

Она вышла замуж за своего сына.

Да, да, да! Вы не ослышались, и я ничего тут не напутал и не исказил.

Это было что-то! Но именно так и было!

И в Риме, и в Армении, и в других странах, да и при парфянском дворе все были от этой свадьбы в шоке!

Эта выходка бывшей рабыни и её сына, ставшего новым Шахин шахом, вызвала всеобщее непонимание и осуждение.

Ну и после подобной выходки Муза и её сынок не долго процарствовали.

При парфянском дворе составилась новый заговор и их обоих отправили по известному адресу... то есть в сумрачные владения Аида.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Впрочем, надо сказать, что и следующий Шахин шах, сменивший откровенных извращенцев, оказался не многим лучше своих предшественников.

Ороду III тоже присуще были злобность, какая-то маниакальная подозрительность, ну и власть ему нужна была лишь только для удовлетворения его прихотей, причём зачастую самых низменных, и уже вскоре своими выходками он вызвал ненависть во всех слоях парфянского общества.

На третий год правления у подданных по отношению к нему терпение окончательно лопнуло, и они свергли Орода, а затем в одном из подвалов царского дворца по-тихому этого самодура прикончили, замуровав его в стене. Но при этом было объявлено, что Шахин шах при трапезе подавился бараньим хрящиком. Однако в эту кем-то состряпанную байку в Ктесифоне мало кто поверил, потому что никто останков Орода III народу так и не предъявил.

И сразу же встал вопрос: а кто же теперь займёт освободившийся трон?

И вот тут-то и вспомнили о старших сыновьях Фраата IV, которые уже не один год проживали в Риме.

Парфяне обратились к императору Августу, чтобы тот вернул хотя бы одного из сыновей Фраата IV, и тот смог бы одеть на свою голову царскую диадему.

В итоге из четверых старших сыновей выбор выпал почему-то на Вонона, ну и он вскоре вернулся на родину и занял трон предков.

Однако новый Шахин шах сразу же неприятно удивил своих подданных.

Вы спросите: чем же это он так умудрился их удивить?

И я на это тоже отвечу...

Да прежде всего тем, что этот деятель привёз с собой из Рима многочисленную свиту, которая состояла исключительно из греков и римлян, и вообще он разительно отличался от соплеменников! Ну вот представьте: он совсем плохо говорил на родном языке и предпочитал изъясняться на греческом или ещё чаще на латыне.

Также он предпочитал передвигаться не верхом на коне, как и подобает настоящему мужчине, а на носилках, как будто бы он был какой-то римский сенатор. А ещё он презирал охоту, стрельбу из лука и скачки, но за то беспробудно пил на пирах и обожал общество развязных танцовщиц.

И ко всему прочему, он поклонялся не Великому Ахурамазде, а иноземным богам Олимпийцам, и оказался – что уже было совсем возмутительно – фанатичным почитателем греческих театральных постановок. Более того, он от них так фанател, что даже завёл в Ктесифоне собственный театр. Самый настоящий! Со странными и совершенно уродливыми длинноносыми масками, которые одевали на представления актёры.

И в этот придворный театр он стал приглашать из империи греческих фигляров, и им платил бешенные гонорары. А иногда он и сам участвовал в театральных постановках. То есть, этот Шахин шах опустил до того, что лично выходил на сцену и на ней бесстыдно кривлялся.

Ну и уж совсем коробило всех придворных то, что он не носил бороду и лицом скорее походил не на царя, а на какого-то женоподобного и жалкого евнуха!

Долго всё так продолжаться не могло и, в конце концов, часть парфянской знати, те, кто был особенно недоволен правлением изнеженного и погрязшего во всевозможных пороках Вонона, попытались его свергнуть и возвести на трон Артабана III, который возглавлял в качестве наместника Мидию Атропатену и по матери принадлежал тоже к царствовавшему роду.

Впрочем, первая попытка свержения Вонона оказалась неудачной: армия Артабана III была наголову разбита и ему пришлось некоторое время скрываться в Атропатене. Но уже через два года Артабан III повторил попытку захвата власти, и на этот раз она оказалась для него более удачной.

Армия Вонона I потерпела сокрушительное поражение. Многих сторонников Вонона Артабан III умертвил, ну а сам свергнутый и, казалось бы, ещё вчера всемогущий правитель, поспешил укрыться в лояльной ему Селевкии-на-Тигре.

Но неудачнику Вонону не удалось надолго задержаться в этом, по существу, греческом мегаполисе, и уже вскоре он со своей небольшой свитой сбежал в Армению, где как раз незадолго до этого убили царя Артавазда, и Вонон занял тамошний освободившийся престол.

Однако и здесь этот авантюрист сумел усидеть на троне всего-то года три и под угрозой вторжения в Армению парфянской армии, прихватив не малую часть царской казны, он поспешил сбежать под защиту римлян. Ну а те к нему отнеслись снисходительно и разрешили укрыться в Сирии.

Хотя и тут Вонон долго не усидел.

Вонон I постоянно разжигал внутри Парфии недовольство и Артабан повёл переговоры с Августом, чтобы римский император либо выдал ему беглеца, либо его удалил бы подальше от границ Парфии.

Август по политическим соображениям пошёл на встречу этим просьбам и распорядился неспокойного Вонона перевести в Киликию, и там его уже стали содержать за счёт казны, установив за ним негласный контроль.

Но Вонон I всё искал приключений на свою пятую точку, и в итоге, при очередной попытке бежать от приставленных к нему людей, одним из римских офицеров был заколот.

Так закончилась беспокойная жизнь этого прожжённого авантюриста. Биография которого заслуживает на мой взгляд написания отдельного романа.

И который правил совсем недолго, и потом всю оставшуюся жизнь тщетно пытался вернуть себе Верховную власть.

После устранения Вонона между Римом и Парфией установились вполне мирные отношения, и продлились они в таком благоприятном режиме не один год.

По завершению череды войн, граница между двумя империями, казалось бы, устоялась и никто теперь не собирался проливать из-за каких-то новых территориальных приобретений кровь. Однако мирный период закончился после нового кризиса, возникшего в Армении и вокруг неё.

В этой буферной стране в очередной раз сошлись интересы двух империй и ещё нескольких более мелких соседей.

А случилось на этот раз вот что...

После внезапной смерти армянского царя Арташеса в этой стране пресеклась отечественная династия, и Артабан III вознамерился на престол в Арташате посадить одного из своих сыновей, но этому ожидаемо воспротивились в Риме.

Уже правивший тогда император Тиберий пожелал поставить во главе Армении самого младшего сына Фраата IV, который всю жизнь прожил в качестве заложника в Вечном городе, но тот не доехал до Арташата и по дороге от какой-то хвори скончался.

Однако спор за Армению на этом отнюдь не закончился...

У Артабана нервы не выдержали, и Шахин шах настроил гневный пасквиль Тиберию. В нём он всячески поносил императора. Артабан дописался до того, что обозвал Тиберия выжившим из ума и развратным старикашкой, спрятавшимся от всех на острове Капри, и предложил ему встретиться в поединке. Один на один. Ну а если Тиберий смалодушничает и убоится этого, то пусть уж лучше тогда он добровольно сведёт счёты с жизнью. Потому что он всеми будет признан жалким трусом!

Оскорбления были совершенно дерзкие, но эта перепалка привела лишь к тому, что Тиберий решил посадить на трон в Армении уже Тиридата, внука Фраата IV, который давно проживал в Риме.

На помощь себе римляне призвали иберов и обитавших за Большим Кавказом аланов, воинственных кочевников, и совместными усилиями они вытеснили Артабана из Армении. Впрочем, злопамятному Тиберию этого показалось недостаточно, и он повелел Луцию Вителлию, ординарному консулу и тогдашнему своему наместнику в Сирии, совместно с иберами и аланами вытеснить Артабана уже и из Парфии.

И как не удивительно, но это Луцию Вителлию тоже удалось!

Артабан проиграл в противостоянии с ненавистным ему стариком и с небольшим отрядом воинов бежал на Восток Парфии, а ставленник императора, бывший заложник Тиридат III, короновался в Ктесифоне и объявлен был новым парфянским Шахин шахом.

Так в правление Тиберия у Рима впервые получилось поставить Великую Парфию на колени и навязать ей свою креатуру.

Новый Шахин шах, Тиридат III, был явной марионеткой. Он во всём оказался послушным и не создавал каких-либо проблем Риму.

Ну а что же в это время делал Артабан?

А он достаточно долго укрывался где-то на Северо-Востоке царства и постепенно этот свергнутый с трона Шахин шах стал подобен своему далёкому предку, основавшему прославленный род.

Подобно первому Аршаку, который жил свыше трёх веков тому назад, Артабан III стал походить на предводителя шайки разбойников, промышлявшего набегами на соседние оазисы и проходившие мимо караваны. Он переселился из дворца в палатку и уже потерял свой прежний лоск: перестал носить вышитые золотой нитью богатые одежды и умасливать себя благовониями. Тёмный от загара и облачённый в обычные истрёпанные и непритязательные куртку и штаны, присущие простым кочевникам, он ничем не отличался от своих собратьев по разбойничьему ремеслу.

И в нём уже совсем не узнать было вчерашнего Царя царей.

Артабан явно опустился.

Да так сильно, что представители той части парфянской знати, которые успели разочароваться правлением римского ставленника, и которые прибыли для переговоров с Артабаном, были его видом шокированы.

По большому счёту Артабан совсем уже не походил на себя прежнего, да и вообще не походил на настоящего Царя царей.

Бывшего парфянского повелителя долго пришлось уговаривать вернуться во власть, и всё-таки его хотя и не с первой попытки, но убедили. И Артабан начал вокруг себя собирать воинов, с которыми через три месяца направился к столице.

Тиридат III со своей армией тоже выступил из Ктесифона на встречу Артабану.

Впрочем, сражение между этими двумя армиями так и не состоялось. А всё потому, что главный советник Тиридата III и по совместительству его тесть, знатный парфянин Абдагаз, посоветовал царю проявить осторожность и отвести армию на правый берег Тигра, и уже там дожидаться подхода легионов союзного Рима.

Тиридат III последовал этому совету.

Но при отходе его армия стала рассыпаться прямо на глазах, многие воины и даже целые отряды из армии римского ставленника дезертировали, а некоторые из них и вовсе присоединялись к Артабану.

В итоге Тиридат III подошёл к Селевкии-на-Тигре, по существу, с жалкой горсткой оставшихся ещё преданных сторонников, которых уже было не больше четырёх сотен, и римскому ставленнику пришлось поспешно покинуть Парфию и укрыться в пределах империи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.